

Հարգելի՛ ընթերցող,

Արցախի Երիտասարդ Գիտնականների և Մասնագետների Միավորման (ԱԵԳՄՄ) նախագիծ հանդիսացող **Արցախի Էլեկտրոնային Գրադարանի** կայքում տեղադրվում են Արցախի վերաբերյալ գիտավերլուծական, ճանաչողական և գեղարվեստական նյութեր՝ հայերեն, ռուսերեն և անգլերեն լեզուներով: Նյութերը կարող եք ներբեռնել ԱՆՎՃԱՐ:

Էլեկտրոնային գրադարանի նյութերն այլ կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ ԱԵԳՄՄ-ի թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Շնորհակալություն ենք հայտնում բոլոր հեղինակներին և հրատարակիչներին՝ աշխատանքների էլեկտրոնային տարբերակները կայքում տեղադրելու թույլտվության համար:

Уважаемый читатель!

На сайте **Электронной библиотеки Арцаха**, являющейся проектом **Объединения Молодых Учёных и Специалистов Арцаха (ОМУСА)**, размещаются научно-аналитические, познавательные и художественные материалы об Арцахе на армянском, русском и английском языках. Материалы можете скачать БЕСПЛАТНО.

Для того, чтобы размещать любой материал Электронной библиотеки на другом сайте, вы должны сначала получить разрешение ОМУСА и указать необходимые данные.

Мы благодарим всех авторов и издателей за разрешение размещать электронные версии своих работ на этом сайте.

Dear reader,

The Union of Young Scientists and Specialists of Artsakh (UYSSA) presents its project - **Artsakh E-Library** website, where you can find and download for FREE scientific and research, cognitive and literary materials on Artsakh in Armenian, Russian and English languages.

If re-using any material from our site you have first to get the UYSSA approval and specify the required data.

We thank all the authors and publishers for giving permission to place the electronic versions of their works on this website.

Մեր տվյալները – Наши контакты - Our contacts

Site: <http://artsakhib.am/>

E-mail: info@artsakhib.am

Facebook: <https://www.facebook.com/www.artsakhib.am/>

ВКонтакте: <https://vk.com/artsakhiblibrary>

Twitter: <https://twitter.com/ArtsakhELibrary>

ВАЛЕНТИН ОСКОЦКИЙ

Карабахский
ДНЕВНИК

ВАЛЕНТИН ОСКОЦКИЙ

КАРАБАХСКИЙ ДНЕВНИК

СТЕПАНАКЕРТ -1998

КАРАБАХСКИЙ ДНЕВНИК

I. ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ О НАГОРНОМ КАРАБАХЕ

*Мальчик веселый из Карабаха —
Так называют всюду меня.*

*Из модного шлягера,
исполнявшегося Рашидом Бейбутовым*

*Грущу с тобой,
К твоим причистна мукам,
Горжусь тобой, великий не числом,
А сильным и необоримым духом,
Своим высоко поднятым челом.*

Сильва КАПУТИКЯН

СЛОВО К МОЕМУ НАРОДУ

I. ВСТУПЛЕНИЕ К СТАТЬЕ, НАПИСАННОЕ ПОСЛЕ САМОЙ СТАТЬИ

Теперь многое придется оговаривать, когда что написано: до или после путча. Применительно к настоящей статье сделать это особенно необходимо...

Так вот: она была сдана в редакцию за несколько дней до 19 августа, наложившего свой отблеск на все, что ему предшествовало. В свете антиконституционного заговора нашей отечественной — дожили! — хунты, предпринятой ею попытки государственного переворота укрупнилось и восприятие карабахской трагедии. Не случайно не что иное, а именно Карабах как образ народной беды, как символ народной боли вошел в строки Михаила Дудина, написанные в дни мятежа и опубликованные сразу после него вместо передовой статьи в газете "Вечерний Ленинград":

*Сейчас у нас по всем приметам
Настало время Пиночета.
Народ! Тебе неведом страх.
Пусть пиночеты мечутся,
Не дай в кровавый Карабах
Столкнуть свое Отечество...*

Уроки трех августовских дней, извлекаемые сегодня, привносят новые интонации и акценты во все то, о чем думалось, говорилось и

писалось прежде. Так и с этой статьей. Пиши я ее сейчас, куда энергичней выделил бы мотив личной ответственности Президента СССР за превращение Нагорного Карабаха в испытательный полигон, где отрабатывалась и все еще продолжает отрабатываться модель свержения демократических институтов власти и последующего военно-милиейского правления. По сути дела Нагорный Карабах, стал первым из оселков, самым наглядным образом выявивших нерешительность и непоследовательность М.С. Горбачева, то есть те как раз слабости, которые предопределили его политическую линию поведения, во многом благоприятствующую атмосфере заговора и переворота.

Наверняка недостаточно жесткими покажутся читателям авторские суждения о карабахских деяниях "бывших": Председателя Верховного Совета СССР А.Лукиянова, министра обороны маршала Д.Язова, министра союзного МВД Б.Пуго, председателя КГБ В. Крючкова. Что ж, можно принять укор в журналистской непрофессиональности: коль скоро и тогда судил о каждом критически, надо бы было предугадать в них вдохновителей и руководителей заговора. Как и идейных единомышленников путчистов — в поддержавших переворот республиканских лидерах: президенте Азербайджана Аязе Муталибове, втором секретаре ЦК азербайджанской компартии Викторе Поляничко, возглавившем так называемый оргкомитет по Нагорному Карабаху, который долгое время осуществлял в НКАО режим чрезвычайного положения. Полезно напомнить: в недавнем прошлом Поляничко служил в Афганистане советником Бабрака Кармала, который, как теперь выясняется, был против войны с собственным народом. Кто же в таком случае "за", если не ближайший советник?

Убежден, однако, что ужесточить "допутевые" оценки, соотнести их с нынешним знанием и пониманием событий, о которых рассказано в статье, без труда сумеют сами читатели...

2. ИЗ ХРОНИКИ КАРАБАХСКИХ СОБЫТИЙ. АПРЕЛЬ-ИЮНЬ

Для чего, зачем вводится в том или ином районе, городе, регионе чрезвычайное положение? Зряшный вопрос. Разумеется, для того, чтобы защитить человеческую жизнь от насилия, оградить достоинство личности от унижений, обеспечить мир, покой и согласие между людьми.

В Нагорном Карабахе, где чрезвычайное положение введено почти четыре года назад, все наоборот. В 1990 году там погибло 58 человек

которую мы считали нашей, имея в виду, что никем не хотим жертвовать ради собственной свободы, судьба которой в те дни буквально висела на волоске.

Степанакертский аэропорт уже был захвачен азербайджанскими омоновцами, которыми командовал вожаком так называемого оргкомитета, второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана В. Поляничко. Карабах по сути, находился уже не в блокаде, а в осаде. Вместо обычных двадцати рейсов разрешалось выполнять в день всего четыре на ЯК-40. То есть лишь сто двадцать человек в день могли вылететь из Степанакерта и прилететь в Степанакерт. Случалось, что неделями не было вылетов из-за нелетной погоды. За всю историю Карабаха никогда так не унижали и не оскорбляли достоинство карабахцев, как это происходило в Степанакертском аэропорту при партии Поляничко и генерале Сафонове. И трудно представить себе, как тогда сложилась бы окончательная судьба Арцаха, если бы не действенное противостояние карабахцев, в первую очередь подпольщиков, о героизме которых история еще скажет свое правдивое слово. К великому счастью, мы были не одни. И среди наших верных друзей был автор этой книги, отважный человек, один из руководителей московской писательской организации, талантливый поэт и публицист Валентин Дмитриевич Оскоцкий.

На следующий день после прибытия в Ереван в зябкий февральский день я проводил пятерку писателей из аэропорта «Эребуни» в Арцах. Ждал их в аэропорту весь световой день. Каждые пять минут я связывался по телефону со Степанакертом. Выяснилось, что сразу после приземления Андрей и Галина Нуйкины, Тимур Гайдар, Юрий Черниченко и Валентин Оскоцкий попали в плен к азербайджанским омоновцам. Некто Гаджиев, после отсидки в тюрьме ставший главарем банды ОМОН, доложил по телефону Поляничко о прибытии в Карабах группы русских писателей. Назвал их имена. Поляничко сразу учуял упавшую с неба возможность для рекламы собственной персоны перед Баку. Шутка ли в составе группы сам сын самого Аркадия Гайдара, на книгах которого воспитывался сам Поляничко, ставший почему-то не героем из «Тимура и его команды», а палачом. Да еще известный на всю страну писатель, правдивист, телевизионщик, народный депутат СССР Юрий Черниченко. Партийный бек приказал Гаджиеву доставить, «этих двоих», к себе, а остальных, «тех троих», оставить в заложниках в аэропорту, не спуская с них глаз.

О дальнейшей истории той поездки много раз мне доводилось поведать читателю. А сейчас лишь о том, что рассказал Валентин Оскоцкий в аэропорту «Эребуни» сразу по возвращении:

-Это было не только страшно, но мерзко. Слово частица цивилизации оказалась в тисках средневековья. Нам, извините меня, еще раз извините... повезло. Ибо мы увидели то, во что не поверили бы, если бы нам рассказали другие очевидцы. Одно теперь ясно лично для меня. Молчать нельзя. Молчать, значит совершить преступление перед собственной совестью. И я не буду молчать...

Вечером того же дня я всю нашу пятерку повел на республиканское телевидение и сам взялся вести уникальную в своем роде передачу. То, что рассказали наши друзья, поразило воображение даже выдавших виды телезрителей, будь то сумгаитцы или бакинцы. Галя Нуйкина не смогла продолжить свое выступление. Ком у нее застрял в горле. Андрей обещал, что он публично обратится к русской интеллигенции, которая понятия не имеет, что происходит в Карабахе. Юрий сравнил крохотное высокогорное село Бердазор с Хатынью и Сонгми. Тимур сказал, что нужно подумать о создании новой организации, которая должна систематически заниматься проблемами Карабаха. Валентин повторил свою мысль о том, что теперь уже его никто не сможет заставить молчать.

И все они сдержали свое слово. Вскоре мы собрались в Москве в Центральном доме литераторов. Там же организовали Комитет по Карабаху. По предложению Тимура Гайдара организация получила очень даже призывно символическое название КРИК (Комитет Российской интеллигенции «Карабах»). В Правление КРИКа, естественно, вошел и Оскоцкий.

Я убежден, наш народ никогда не забудет подвиге гражданского подвига многих российских литераторов, которые в самые тяжкие для нас дни находились рядом. Буквально в одном окопе. Для них фронтовые окопы проходили не только в Карабахе, но и по асфальтам Москвы. Практически все очерки, статьи, письма и стихи Валентина Оскоцкого войдут в летопись нашей героической эпохи, как правдивые страницы, без которых наша история будет ущербна. Нет сомнения, что все публикации представителей КРИКа, рано или поздно, будут восприниматься, как неопровержимый аргумент, как бесспорная улика на грядущем суде против организаторов геноцида над армянским народом, против главарей фашистской идеологии пантюркизма.

«Карабахский дневник» Валентина Оскоцкого - это своеобразный урок новейшей истории не только армянского народа, ибо, как сказано было не раз, в Карабахе решается не только судьба нашего народа. Здесь решается судьба мировой цивилизации. Урок, который нужно изучать хотя бы ради того, чтобы предупредить более страшную беду. Не случайно автор в заключительных страницах ставит перед грядущим предупредительное условие для недопущения дальнейших трагедий на земле. Помня о том, что Гитлер начал вторую мировую войну зловещими наказами о том, чтобы его головорезы никого не щадили, ни детей, ни стариков, чтобы при этом не боялись угрызения совести, ибо «кто сегодня помнит о резне армян», Валентин Оскоцкий решительно призывает действительно осуществить «окончательный расчет с прошлым, которому не должно быть ни прощения, ни забвения».

Только так и никак иначе!

ЗОРИЙ БАЛАЯН

*Автор выражает глубокую
признательность Армену и
Лиане Вацциан из Джавахка -
спонсорам настоящей книги*

В. Оскоцкий, Карабахский дневник, статьи, 96 стр.
Степанакерт 1998 г.

© Центр русско-армянских инициатив

© Предисловие Зория Балаяна
Издательский центр Степнополиграфпредприятия
Степанакерт 1998 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ИЛИ СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Холодным февральским вечером я поехал в аэропорт «Эребуни» встречать пятерых российских писателей. Не я их приглашал. Однако, узнав о том, что в Ереван едут писатели, которые намереваются посетить Карабах, я решил сам их встретить. Думаю, дело не только было в Карабахе.

Юрий Черниченко. Не раз вместе бродили по дорогам и весям Армении. Встречались не только в Москве, разных географических точках, но и на страницах «Литературной газеты». Бывал он у меня дома в Ереване. В январе восемьдесят девятого года во время одной из встреч в Москве я уговорил его баллотироваться в народные депутаты СССР. Тогда только и было разговоров о предстоящих выборах. Он громко засмеялся, давая понять, что такая нездоровая мысль пока еще в голову не приходила. Мы весело шутили, не очень понимая, что это за новый такой парламент будет у нас. И посему всерьез не воспринимали саму идею баллотироваться. Развивая шуточный настрой, я привел ему, бродяге по натуре, убедительный аргумент: «Ты можешь каждый день бесплатно лететь от Москвы до Петропавловска - Камчатского до и обратно. И так целых пять лет подряд». Вдруг Черниченко посерьезнел: «А что, в этом есть резон, особенно для меня, да и для тебя тоже».

Не знал я тогда, что через несколько месяцев мы с Черниченко окажемся в последнем советском парламенте, которому суждено будет, по сути, «узаконить» распад СССР. Мы подружился еще крепче. Так, что я не мог не встретить друга.

За три года до этого мне довелось в «команде Боровика» посетить США, так сказать, по линии Комитета защиты мира. В большой делегации был и Андрей Нуцкий, с которым мы попали в одну секцию и целый месяц открывали Америку своей новой «народной демократией». Он летел в Ереван вместе с женой. И я не мог не встретить их.

В пятерке был самый, пожалуй, популярный контр-адмирал СССР и с самой популярной в стране фамилией Гайдар. Сын Аркадия Гайдара Тимур Аркадьевич Гайдар. Я хорошо знал его по материалам в «Правде», из Кубы и Балканских стран. Я служил четыре года на флоте, так что, кроме всего прочего, естественно, будучи матросом не мог не встретить самого контр-адмирала.

В пятерке российских писателей был Валентин Оскоцкий. Его я не знал. И стихи, и публицистику. Я не мог не встретить и Валентина Дмитриевича, уже по тому, что он собирался в Карабах, где шла война,

(41 армянин, 15 азербайджанцев, 2 военнослужащих), ранено 126 (92 армянина, 32 азербайджанца, 2 военнослужащих), взято заложниками 78 (46 армян, 32 азербайджанца). С 1 января до начала марта с.г. убито 19 армян, 5 азербайджанцев, арестовано 223 армянина. Совершено 33 вооруженных нападения на армянские села (на азербайджанские - ни одного). Село Цахкадзор сожжено дотла в ту самую ночь под 13 января, когда бесчинствующие танки вершили вильнюсское кровопролитие.

— Я не видел сожженных деревень, домов, школ со времени Отечественной войны, — скажет потом Юрий Черниченко на армянском телевидении, на пресс-конференции в Москве, по радио “Россия”.

— Мне кажется, будто я снова побывал в Афганистане, — подтвердил Тимур Гайдар, не однажды вылетавший в Кабул в разгар афганской войны в качестве газетного корреспондента.

Предостерегая от повторения катастроф на советских атомных станциях, ученые-физики допускают возможность новых Чернобылей. Перенесем трагический символ на национальные отношения в СССР: справедливо признать, что в этой сфере своего рода Чернобылей было уже немало. И первым среди них стали Сумгаит с его кровавой резней, воскресившей трагедию геноцида, пережитую армянским народом в первую мировую войну. Судьям уличную шпану, хулиганье — мелкую сошку. Погромщики-убийцы ушли от ответственности. И учинили новое побоище в Баку, где также остались безнаказанными.

Так началась цепная реакция насилия. В его эскалации Нагорный Карабах уподобился чернобыльскому реактору, который находится в неизменно взрывоопасном состоянии.

Но почему в таком случае так робко и глухо пишет об этом печать? Почему так эпизодически и неглубоко отзывается на эти кровотокающие проблемы общественное мнение? (Само собой понятно, что, ставя свои отнюдь не риторические вопросы, я имею в виду не официальную, а оппозиционную печать, не охранительское, а демократическое общественное мнение.) Видимо, потому, что, не одолев косной инерции благодушия, не были готовы к восприятию неидеализированной действительности, чудовищной реальностью, которой стал противармянский геноцид в Сумгаите и Баку. И продолжаемый ныне в Нагорном Карабахе. Ведь геноцид — это не обязательно повальная резня сразу, имеющая целью физическое истребление народа. Сначала — противостественные условия, созданные для численно преобладающего армянского населения (на 1979 год — 75,9 процента; в последующие годы стараниями Алиева эта цифра понизилась на 10 процентов, что некогда всесильный азербайджанский владыка не преминул поставить себе в личную заслугу) и рассчитанные на то, чтобы выжить людей из родных мест, принудить

их к массовому переселению. Когда это не дало желаемых результатов, заговорило оружие, обращенное против мирных жителей. И то, и другое санкционировало азербайджанское правительство, чьи противоправные действия со стороны центра встретили если не прямое одобрение, то поощряющее равнодушие.

Свидетельством тому — трагическая хроника весны и лета этого года, когда при поддержке войск МВД СССР и регулярных армейских соединений азербайджанский ОМОН осуществил на территории НКАО и прилегающих к ней армянонаселенных районов Азербайджана операцию “Кольцо”, во всеоружии богатого опыта афганской стратегии разработанную Виктором Поляничко и генералом Борисом Громовым. Я излагаю эту хроника в выдержках, строгим языком документально удостоверенных фактов.

16 апреля. На совещании с участием руководителей КГБ, МВД и прокуратуры республики президент Азербайджана Аяз Муталибов предлагает в случае неповиновения депортировать жителей армянонаселенного Шаумяновского района, сел Геташен и Мартунашен.

19 апреля. ОМОН Азербайджана начал обстреливать эти села.

23 апреля. Жители Шаумяновского района направляют руководителям страны телеграмму, в которой сообщают, что живут в условиях жесточайшей блокады. Отключены электричество, вода. После посещения района Виктором Поляничко началась настоящая война.

29 апреля. На всем протяжении армяно-азербайджанской границы ведется обстрел из автоматического оружия, танков и бронемашин населенных пунктов, расположенных на территории Армении.

30 апреля. Сообщение любительской радиостанции из Геташена: “Ворвавшиеся в село войска начали погромы мирных жителей. На 21.00 убито более десяти человек, имеется много тяжелораненых, захвачены заложники... Спасите!”

1 мая. Из Геташена просят прислать вертолеты с врачами, лекарствами и продуктами. Однако ни одному вертолету не разрешается совершить посадку вблизи села.

Президент М.С. Горбачев в телефонном разговоре с Председателем Верховного Совета Республики Армения Л. Тер-Петросяном обещает взять под личный контроль меры по стабилизации ситуации.

В информационном выпуске бакинского телевидения сообщается: Геташен занят ОМОНОм и войсками. 15 армян погибло, 14 ранено, 45 захвачено заложниками. Ранены 4 азербайджанца.

2 мая. Азербайджанский ОМОН распространяет документ, из которого явствует, будто жители Геташена и Мартунашена просят дать им возможность беспрепятственно покинуть родные села. Ссылкой на этот документ председатель КГБ СССР Виктор Крючков в телефонном

(80 лет), Оганес Оганесян (65 лет), Хачатур Давтян (66 лет), Ором Минасян (90 лет)...

Свидетельница Тевосян Рима показала, что омоновцы в присутствии русского полковника отрезали уши ее свекру Вагаршаку Тевосяну. Потерпевшая Р. Акопян пояснила, что омоновцы, ворвавшись в их квартиру, раздели ее догола, похитили деньги в сумме 3200 рублей, а затем вывели ее в сад и фотографировали в голом виде.

Военнослужащие и азербайджанские омоновцы под угрозой оружия и с физическим насилием забрали у Аркадия Саряна 8 тыс. рублей, Сейранян Нуник — 5 тыс. рублей, Борика Джавадяна — 4700 рублей, деньги Араксии Бабушян, Эльмиры Атанесян и других. В присутствии и с ведома майора Рубцова похищена автомашина А. Саряна марки "Нива"... Как усматривается из показания свидетеля Норика Джавадяна, омоновцы сорвали золотые зубные протезы Заргаряна Алексея и Акопяна Яши.

По уточненным следствием данным, с начала проведения военных акций против жителей сел Геташен и Мартунашен военнослужащими и омоновцами захвачены в качестве заложников 53 человека. Эти лица в возрасте от 28 до 58 лет, в их числе безногий инвалид Великой Отечественной войны, 75-летний Александр Чилингарян, были захвачены в своих домах, 29 заложников в течение трех часов лежали лицом к земле, подвергались избиению и ограблению. У них забраны деньги и золотые вещи, разорваны паспорта. Бандиты пригудили их на коленях ползти до стоявшей поодаль автомашины, в которой затем привезли их в село Камо, где председатель исполкома Хакларского районного Совета Мамедов в присутствии не установленных следствием офицеров высшего состава путем угроз принуждал заложников подписать заранее составленные заявления о якобы добровольном выезде с постоянного места жительства. Мамедов при этом предупредил, что в противном случае они будут расстреляны. Затем военнослужащие и омоновцы топтали их ногами, избивали, заставляли есть сигареты, подвергали другим унижениям...

В целях оправдания проводимых широкомасштабных военных операций и направления общественного мнения против армянского населения, сокрытия бесчинств и жестокостей, творимых военнослужащими и омоновцами, военные власти прибегли к лжи, чтобы как-то оправдаться, и "доказать", наличие "армянских боевиков". Так, не обнаружив в упомянутых селах ни одного вооруженного человека, они под угрозой расстрела переодевали в форму боевиков заложников — мирных жителей и, накинув им на плечи незаряженные автоматы, фотографировали...

Свидетели отмечают крайнюю жестокость совершенных убийств. Так, Зарик Бабаджанян и Агамир Израелян показали, что, убив топором

Мельсика Согомояна в его же доме, бандиты затем расчленили труп, чтобы парализовать сельчан страхом. После убийства 65-летнего Оганесяна Оганеса Макаровича и 57-летнего Мелкумьяна Шамира Аршаковича военнослужащие с той же целью раздавили их трупы гусеницами танков...

Позже военнослужащие чинили препятствия совершению похоронных ритуалов, вследствие чего большинство трупов было зарыто во дворах домов. Действия военных исключили возможность производства соответствующих судебных экспертиз и следственных действий..."

Жутко? Мне тоже. Но как быть и что делать, если мы обречены ныне знать жестокую правду о новых Хатынях и собственных Согми?

И еще — трудно не вспомнить вслед за Зорием Балаяном, писателем, народным депутатом СССР, как в 1988 году, после землетрясения, министр обороны СССР маршал Язов вместе со своей армией вызволял в зоне бедствия людей, погибавших в бетонных завалах. Сегодня, спустя три года, та же армия, подчиненная тому же Язову, убивает спасенных ею, разрушает их дома, опустошает села.

В сравнении со страданиями, описанными в следственной справке, мьгарства геташенцев Ашота Мхитаряна, 56 лет, и его 80-летней матери Ареват Мхитарян выглядят, на счастье, легкими. Но и у них своя боль:

— Внутренние войска и омоновцы заставили нас внести государственную плату в размере 142 рублей для перевозки нашего имущества. Затем они взяли себе в карман еще 600 рублей, якобы для того, чтобы перебросить наше имущество к границе с Арменией в целости и сохранности.

В итоге нас выбросили у азербайджанского поста ГАИ и сказали, чтобы ждали своих вещей. Прибыли практически пустые грузовики — было украдено все ценное (телевизор, холодильник, ковры, электроприборы, вся утварь и посуда). Оставшиеся постельные принадлежности были исколоты и изрезаны ножами. Но даже за перевозку этих изрезанных тряпок внутренние войска потребовали с нас плату, и мы отдали последние деньги...

Суровое испытание выпало Арустаму Захаряну из села Доланлар Гадрутского района:

— В нашем селе проживают сто семей. 15 апреля военные вместе с азербайджанскими омоновцами вошли в село, сопровождаемые шестью танками. Омоновцы стали сразу стрелять в воздух, наводя панику. Затем мы увидели жителей близлежащих азербайджанских сел, с которыми прежде дружили. Они-то и начали грабить. Из моего дома унесли старинный ковер — ковер ручной работы. Я стал просить, чтобы оставили хоть эту семейную реликвию. Меня начали бить. Азербайджанский полковник, ругаясь, схватил меня за усы и стал таскать, приговаривая:

Верховного Совета Республики Армения Левона Тер-Петросяна, сделавшего 4 мая в Москве такое заявление:

“К истории убийств и погромов в Сумгаите, Кировабаде, Баку добавлена еще одна злобная страница — откровенный геноцид, осуществляемый в армянонаселенных селах Геташен (Чайкенд) и Мартунашен Азербайджанской ССР. С 30 апреля в результате армейской операции совместными действиями подразделений Советской Армии, внутренних войск и частей азербайджанского ОМОНа погибло, по предварительным данным, 36 мирных граждан армянской национальности, имеются десятки раненых. При этом попытки населения осуществить самооборону представляются как действия боевиков.

Однако если в Сумгаите, Кировабаде, Баку кровавые действия осуществлялись озверевшей, неуправляемой толпой, то сегодня преступления творят государственные вооруженные формирования, выполняющие приказы высшего командования. Налицо качественно новое явление: задействованы все рычаги государственной военной машины. Следовательно, речь идет о государственном терроре против собственных граждан. Создается опасный прецедент, когда терроризм возводится в ранг государственной политики”.

Не дошло до советской общественности и принципиальной важности заявления исполняющего обязанности министра внутренних дел Армении Ашота Манучаряна, развеявшего на ереванской пресс-конференции легенду о том, будто совместные действия армейских соединений, внутренних войск и азербайджанского ОМОНа предприняты во исполнение Указа Президента СССР о разоружении незаконных боевых формирований. Демагогически истолковав этот Указ в свою пользу, как направленный исключительно против армянских “боевиков”, азербайджанская сторона, поддержанная армией и войсками МВД СССР, предприняла агрессию против мирного населения. Не случайно абсолютное большинство людей, убитых, раненных или плененных, составили работники правоохранительных органов республики, а не мифические “боевики” и “террористы”. Вот и получается, что всю мощь своей военной машины государство обрушило на государственную же милицию, исполняющую служебный долг по защите мирного населения. Отсюда и своеобразный счет боевых трофеев, взятых в ходе наступательных операций: из 166 единиц огнестрельного оружия, якобы конфискованного с 5 по 10 мая, 124 отобрали у милиционеров. Остальное — охотничьи ружья, зарегистрированные их владельцами...

Уж если заявления государственных деятелей Армении возможно заглушить, как зарубежные радиостанции в разгар холодной войны, то что говорить тогда о свидетельствах “рядовых” граждан? С ними и вовсе не пристало считаться. Как, например, с телеграммой независимой

журналистки Натальи Петровой, за неимением надежных адресатов в родном отечестве, воззавшей к Международному сахаровскому конгрессу:

“...В течение нескольких месяцев, работая над фильмом “Дети Кирабаха” в НКАО, а также став очевидцем событий последних дней в Гадрутском районе НКАО, я поражена несовместимостью творящегося здесь с законностью, этическими, нравственными и общечеловеческими нормами... Азербайджанские омовцы врываются в села под прикрытием бронетранспортеров, советских солдат. Убивают мужчин, насилуют женщин, детей. В Джебраиле на допросах дети подвергаются пыткам, избиениям. В селах сажают жителей, особенно молодежь, в автобусы и увозят в тюрьмы и концлагеря за пределы НКАО: в Физули, Агдам, Джебраил. По дороге жителей грабят, вырывают золотые зубы, ломают пальцы рук, насилуют детей на глазах родителей... Журналистов, которым все-таки удается преодолеть все преграды, выдворяют под различными предлогами из районов НКАО. Я неоднократно подвергалась такого рода давлению — моральному и физическому.

Я обращаюсь ко всем коллегам, журналистам и участникам конгресса с просьбой вынести эту информацию за пределы Советского Союза...”

Леденящий ужас охватывает, когда вникаешь в невдуманные, в неприглаженные рассказы людей о пережитом. Начать с тех, что собраны в подписанной 17 мая старшим помощником Генерального прокурора Республики Армения, старшим советником юстиции А.К. Арутюняном справке “ по уголовному делу № 622011/91, возбужденному в связи с событиями, имевшими место в отношении армянского населения, проживающего в Шаумяновском районе и селах Геташен и Мартунашен Ханларского района Азербайджанской ССР”:

“...С раннего утра 30 апреля 1991 г. подразделения Советской Армии, внутренних войск МВД СССР и отряды милиции особого назначения МВД АзССР согласно предварительному разработанному плану в сопровождении бронемашин, танков, военных вертолетов совершили открытое нападение на мирное население сел Геташен и Мартунашен. Вслед за военнослужащими и омовцами следовала толпа азербайджанцев с целью грабежа. Все это делалось под надуманным предлогом проверки соблюдения паспортного режима, выявления проникших в эти села боевиков, обнаружения оружия и боеприпасов...

Из многочисленных показаний очевидцев усматривается, что многие воины были в нетрезвом состоянии, во избежание возможного в дальнейшем опознания закрасили свои лица.

По данным к настоящему времени: убиты 19 человек и в числе их Ванес Ахумян (76 лет), Папик Сейранян (85 лет), Гянджумян

разговоре с Левом Тер-Петросяном оправдывает действия ОМОНа и военных.

3 мая. Горит Мартунашен. Погибло 12 человек, 20 пропали без вести, 7 взято заложниками.

4 мая. Президент С. Горбачев передал Л. Тер-Петросяну через председателя КГБ СССР В. Крючкова: "Вопрос о депортации населения Геташена и Мартунашена снят. Никто не имеет права принуждать жителей этих деревень покинуть места их проживания".

6 мая. Подразделения 4-й армии Закавказского военного округа, дислоцирующиеся на территории Азербайджана, разрушили село Воскепар Ноемберянского района Армении. Во время обстрела села Барекмаван погиб один милиционер. И в этих, и в других селах Ноемберянского района захвачено 40 заложников — в основном сотрудников МВД Армении. С вертолетов обстреляны несколько приграничных сел Горисского района.

Командующий Закавказским военным округом генерал-полковник Патрикеев заявил, что эти военные операции проводила не армия, а подчиненные Азербайджану войска МВД СССР.

7 мая. Разгромлен наряд армянской милиции. Убито 10 милиционеров и шофер, позже скончались еще трое.

Подразделения внутренних войск ворвались почти во все приграничные села Горисского района Армении.

10 мая. Слошному обстрелу подвергается село Паравакар Таузского района. В операции участвуют 50 танков и бронемашин, 10 вертолетов, более тысячи автоматчиков.

Ночь на 11 мая. Степанакерт. Личная охрана В. Полянничко ворвалась в помещение редакции газеты "Советакан Карабах". Налетчики ударили по голове сторожа Шамира Есяяна, заставили старика простоять несколько часов лицом к стене с поднятыми руками. Выломали дверь кабинета главного редактора, похитили диктофон и кассеты, разбили часы, уничтожили бумаги. Опустошили другие кабинеты редакции.

29 мая. Степанакерт. На встрече с офицерами комендатуры района чрезвычайного положения военный комендант полковник В. Жуков сообщил, что азербайджанское руководство требует скорейшей депортации армянского населения из Шаумяновского района. Офицеры информированы также о том, что министр внутренних дел СССР Б. Пуго высоко оценивает действия азербайджанского ОМОНа в Геташене и на территории НКАО. По его словам, азербайджанский ОМОН "успешно выполняет боевые задачи".

1 июня. Совершено нападение на ферму села Эркедж. Убит Борис Дадян, отец 12 детей.

2 июня. В Степанакерте неизвестные ворвались в здание УВД

НКАО и похитили дежурного по городу — майора Грачика Шахбазяна.

3 июня. Вооруженное нападение на ферму села Ин Таглар Гадрутского района НКАО. Взяты в заложники два человека, угнано 150 голов крупного и 500 голов мелкого рогатого скота.

При обстреле села Караглух ранено два человека.

3. У ЛЖИ ДЛИННЫЕ НОГИ

Именно так: не короткие, а длинные — вопреки присловию...

Совсем не случайно не проникла в средства массовой информации даже куца информация о двукратной поездке в Нагорный Карабах, Азербайджан и Армению группы экспертов Международного конгресса памяти Андрея Сахарова "Мир, прогресс, права человека", их пресс-конференциях и отчетах. Первый раз они побывали на местах событий в конце мая, сразу по завершении конгресса в Москве. Как ни стеснялись азербайджанские власти свободу передвижения делегации, почерпнутых впечатлений оказалось достаточно, чтобы прийти к неопровержимому заключению: все, что происходит в Нагорном Карабахе и вокруг него, является не чем иным, как противоярмянским геноцидом.

Разумеется, Президиум Верховного Совета Азербайджана фальшивым пером своего члена — академика А. Дашдамирова — попытался тут же оспорить выводы независимых экспертов, приписав им избирательный подход к правам человека, необъективность и предвзятость на том зыбком основании, что в отчете о поездке они "не сочли нужным использовать полученную в Азербайджане информацию". Но ведь потому и "не сочли", что источники ее не заслуживали доверия, а сведения, предоставленные ими, оказались насквозь лживыми...

Вторая поездка той же группы, возглавленной баронессой Кэрролайн Кокс (Великобритания), состоялась спустя полтора месяца. За истекшее время, суммируют эксперты свои наблюдения, "напряженность в регионе усилилась... Если депортации будут продолжаться, то между Арменией и Азербайджаном может возникнуть крупномасштабный вооруженный конфликт".

Та же безгласность постигла многодневные слушания "карабахского вопроса" в Комитете по правам человека Верховного Совета РСФСР. С развернутыми свидетельскими показаниями перед Комитетом выступили десятки очевидцев омовского разбоя в армянских селах, а также военнослужащие, во исполнение приказа потворствовавшие преступлениям ОМОНа.

В глухих беззвучных информационном вакуума размываются достоверные события, тонут доподлинные голоса. Даже голос Председателя

“Вот тебе, паразит, семейная реликвия!” Я вышел из села последним. Дома горели, кладбище бульдозерами и тракторами сровняли с землей.

И снова Геташен, это армянское Сонгми, о котором рассказывает Эльмира Акопян:

— Лучше бы мои глаза ослепли, чтобы не видеть того, что случилось. 30 апреля в центр деревни ворвался танк. Танками окружали и все окраины села. Очевидно, думали, что все наше село из 2500 жителей состоит в отрядах боевиков. Вместе с военнослужащими были азербайджанские омоовцы. Первую раненую, мою соседку, я увидела в жутком состоянии. Она вся была оборвана. Видимо, ее изнасиловали. Рука в нее была тяжело ранена. Я побежала за доктором Геворком, который прилетел из Еревана на вертолете. Он тут же поставил диагноз: ампутировать руку... Но она начала плакать, умолять, что не сможет одной рукой вырастить троих детей... Хирурга Геворка взяли в заложники вместе со всеми нашими мужчинами, начиная с 16 лет и старше... Одна моя знакомая старушка осталась сидеть у порога своего дома. Она сказала, что такую старую женщину никто не тронет. Но ее расстреляли у порога...

Наши парни взяли солдат заложниками. Майор Кравцов вступил в переговоры, и был произведен обмен. В больницу привезли многих наших освобожденных заложников с перебитыми ребрами, ногами, руками, отрезанными ушами, выколотыми глазами, а у 33-летнего мужчины, Чилингаряна Междума, с живого сняли скальп. “Неужели наши люди это творили!” — воскликнул от ужаса московский журналист. Если он честный человек, сам напишет об этом...

Журналистом оказался корреспондент “Московских новостей” Владимир Емельяненко. Все, что видел в Геташене, он воспроизвел в репортаже, не просто подтвердившем рассказ Эльмиры Акопян, но и дополнившим его не менее ужасающими подробностями и деталями.

Против таких несчастий, но заметных публикаций охранительская печать направила мощный залп провокационных заявлений чиновных и сановных лиц. Суть их в вожделенном стремлении навести тень на плетень: замолчать причины и извратить характер событий, связанных с массовой депортацией армян, снять ответственность за них как с азербайджанского руководства, так и союзного командования армией, переложить вину за преступные действия внутренних войск и азербайджанского ОМОНа на так называемых “армянских боевиков”, к которым относят каждого, кто противится насилию.

Свою лепту в очередную пропагандистскую кампанию невольно внесла даже “Независимая газета”. Блюда “Объективность”, она поместила 25 июня интервью с председателем Верховного Совета Азербайджанской Республики Эльмирой Клифаровой и не сочла нужным сопро-

водить текст хотя бы единым словом своего комментария. Тем самым редакция как бы амнистировала и такой ключевой, вынесенный в заголовок тезис высокопоставленной дамы: “Не мы инициировали кровавое столкновение”. Еще дальше пошла редакция “Известий”, напечатав в тот же день беседу с Аязом Муталибовым, который назвал кровавое события апреля-июня армянской агрессией против суверенного Азербайджана. Любопытно, что в роли интервьюера азербайджанского президента выступил небезызвестный узурпатор “Недели” В. Севрук. Но несомненно первенство в ряду этих и аналогичных им фальсификаций принадлежит “Правде”, предоставившей 26 июня слово сразу трем дезинформаторам генеральского звания: первому заместителю министра внутренних дел СССР И. Шилову, первому заместителю Генерального прокурора СССР А. Васильеву, начальнику управления по защите советского конституционного строя КБ СССР В. Воротникову.

Из интервью с ними явствует, что только благодаря административному задержанию 413 человек и возбуждению уголовных дел против 64 из них (стало быть, 349 арестовали понапрасну?) в НКАО “стало спокойнее”. Что никакие карательные акции, тем паче бесчинства по отношению к мирному армянскому населению не допускались, а два (всего два!) сигнала об убийстве и изнасиловании “не нашли подтверждения”. Что речь в крайнем случае может идти лишь о печальных инцидентах, в ходе которых “где-то поломали мебель”, но и по ним “ведется служебное расследование”, не дающее малейших “причин для недоверия нашим азербайджанским коллегам”. Что, наконец, “насильно мы никого не дереселяли”, а тот, кто показывает обратное, поступает по коварному наущению и злостному принуждению армянской стороны, вконец запуган ею. И тем самым злоумышленно дискредитирует “наш конституционный строй” (как будто возможно опорочить его больше, чем он порочит себя сам!), подрывает “доверие к законной власти” (где она в Нагорном Карабахе?), клеветает на государство и общество, потворствует разрушительным силам, которые тиснятся “антиконституционным путем перекроить республиканские границы”. Кстати заметим: ни в одном документе Верховного Совета и правительства Армении о пересмотре границ и слова нет...

И редакция “Правды”, и ее услужливый — чего изволите? — корреспондент Г. Овчаренко, и привилегированные авторы, которых он интервьюировал, живы демонстративно, динично, вызывающе. Им ли не знать, не ведать, какой необъятный поток протестов против насилия и беззакония, заявлений и обращений, писем и жалоб, призывов о помощи и спасении хлынул в Москву в апреле-июне, чтобы, не дойдя зачастую до прямых адресатов, в большинстве своем мертвым грузом осесть в

сановных сейфах и чиновных столах многообразных ведомств, включая и те, что подчинены непосредственно трем соавторам.

На конец июня, когда "Правда" поместила эту ложь, число депортированных армян превысило 5 тысяч, из них 3 тысячи находились в приграничной полосе, под открытым небом, без пищи, воды, медикаментов. 40 человек было убито, 75 ранено и изувечено, 453 захвачено заложниками. Трём из заложников уже не суждено вернуться: они убиты. 322 были освобождены после избиений и пыток, вынесенных в заключении. 128 по-прежнему оставались в азербайджанских тюрьмах.

Уместно напомнить: среди этих 128 значился и ереванский фотокорреспондент Информационного агентства новостей Вардан Оганесян, находившийся в Геташене как раз в день омововского штурма.

Вызволнение отважного журналиста, взявшего на себя гуманистическую миссию посредника, из азербайджанской (город Гянджа) тюрьмы могло бы произойти не 18 июля, а несколькими неделями раньше, если бы агентство не поспешило трусливо уволить своего сотрудника сразу после его противозаконного ареста. Постыдный, но характерный факт, зеркально отражающий беспринципное поведение московских "миротворцев", потакающих преступлениям и ублажающих преступников...

Примечательно, что и правдинская, и другие фальсификации появились как раз в тот недолгий период, когда едва-едва забрезжила робкая надежда если не на ослабление напряженности вокруг Нагорного Карабаха, то хотя бы на прекращение кровопролития, приостановление эскалации насилия. Как знать, не в том ли и состоял коварный умысел, чтобы лживыми рассказами усыпить общественное мнение, отвлечь внимание от тайком замышлявшихся новых противоправных актов насилия? Ведь вскоре они не замедлили воспоследовать...

4. ИЗ ХРОНИКИ КАРАБАХСКИХ СОБЫТИЙ. ИЮЛЬ-АВГУСТ.

3 июля. Погром в поселке Овсепаван, где живут беженцы из Сумганта, Шуши и Баку. Участвовавший в "операции" комендант Аскеранского района заявил: "Рано или поздно вы уедете. Вода здесь азербайджанская, вы не имеете права ею пользоваться. И отдал приказ отключить воду.

В селе Каринтак Шушинского района арестовано 15 человек. Так называемая "проверка паспортного режима" сопровождалась погромами и грабежами.

Подверглись нападению 8 сел Мардакертского района, а село Ванк — обстрелу из бронетехники и с вертолетов.

4 июля. Президентом СССР подписан Указ об отмене чрезвычайного положения в Шаумяновском районе Азербайджана.

Под прикрытием войск МВД СССР азербайджанский ОМОН ворвался в село Сарпшен Гадрутского района НКАО, открыл огонь по жителям, ранив одного человека. Угнан весь скот, вывезена сельскохозяйственная техника, дома разграблены.

5 июля. Занявшие Сарпшен омововцы обстреляли село Бадпшен. При поддержке внутренних войск подразделения ОМОНа вошли в села Атерк и Заглик Мардакертского района. При обстреле работавших в поле крестьян убит 25-летний Георгий Чобанян.

В карательных акциях наряду с внутренними войсками и ОМОНОм участвуют гражданские лица азербайджанской национальности — преимущественно жители соседних сел и районов. Вслед за ОМОНОм они врываются в села и грабят дома. При этом во многих селах омововцы зачитывают через мегафон обращение к жителям: "Армяне, уходите! Горбачев на нашей стороне. Неужели вам не ясно, для чего принят Указ Президента? Даем вам срок до утра".

6 июля. В соответствии с президентским Указом из Шаумяновского района начат вывод войск МВД СССР. Одновременно ОМОНОм предпринят обстрел сел Манашид, Эркедж и Бузлух. Убит 62-летний Эдуард Арутюнян, ранено 10 человек.

15 июля. Бой между окружившими Эркедж армейскими подразделениями и жителями села. Убиты двое, ранены 15 жителей. С азербайджанской стороны погибли двое и ранены 15 омововцев.

16 июля. В окрестностях села Агорти Мартунинского района НКАО убит 33-летний учитель местной школы Валерий Карапетян.

В ночь на 18 июля. Группа омововцев в количестве 20-30 человек проникла на территорию Горисского района Армении и обстреляла пастухов в окрестностях села Хнацах. Убиты два человека.

19 июля. В степанакертском аэропорту омововцы избили экипаж самолета ЯК-40 армянского управления гражданской авиации, изнасиловали студентку одного из ереванских вузов.

20 июля. Вертолеты высадили десант вблизи сел Вериннен, Эркедж и Бузлух. Перестрелка между десантом и жителями продолжалась до поздней ночи и возобновилась утром следующего дня.

22 июля. Группа вооруженных азербайджанцев в количестве 10 человек проникла на пастбище села Артис Горисского района Армении и обстреляла пастухов. Убит пастух Размик Айрапетян, угнано 900 голов скота.

25 июля. Жителям Вериншена предъявлен ультиматум военного

командования: под угрозой физического уничтожения немедленно покинуть село, дав согласие на "добровольное" переселение в Армению или НКАО. В таком случае гарантируется безопасный проезд.

27 июля. Выступая по республиканскому телевидению, Президент Азербайджана Муталибов призвал к немедленному заселению сел Эркедж, Манашид, Буздух. Азербайджанским переселенцам обещано обеспечение подъярными и скотом.

29 июля. При патрулировании окрестностей села Цатджрек Варденисского района Армении, расположенного в 5 километрах от границы с Азербайджаном, обстрелян наряд милиции. Убит сержант Вардан Баласаян. В нападении участвовали 35-40 азербайджанских омоновцев.

4 августа. Народными депутатами СССР, РСФСР и Ленсовета В. Смирновым, Л. Пономаревым и А. Винниковым, находящимися в селе Вериншен, направлена телеграмма, адресованная Горбачеву, Ельцину, Муталибову, Язову и Пуго. В ней сообщается, что бронетехника прекратила действия против осажденных армянских сел, но автоматный и пулеметный обстрел продолжается. Эркедж, Манашид и Буздух поспешно заселяются азербайджанскими переселенцами. В целях нормализации обстановки депутаты предлагают:

- отвести подразделения армии к местам постоянной дислокации; срочно прекратить заселение азербайджанскими переселенцами захваченных сел; вывести из Шаумяновского района азербайджанский ОМОН, терроризирующий население; установить разделительные посты между армянскими и азербайджанскими населенными пунктами силами внутренних войск, не участвовавших в конфликте; гарантировать депортированным жителям возвращение в села.

При выполнении перечисленных условий силы армянской самообороны обязуются отказаться от своих операций..

5. О ЧЕСТНОМ СЛОВЕ И "ВСЕМИРНОЙ ОТЗЫВЧИВОСТИ"

Все никак не можем привыкнуть к тому, что среди нынешних политиков, облеченных властью, немало таких, чье самое честное слово, как мыльный пузырь, равным счетом ничего не значит. И добро бы одних нас, грешных, далеких от высоких государственных сфер, то и дело подводило собственное легкоеверие. Так нет же. На что, кажется, терт и бит жизнью, учен-переучен ею Левон Тер-Петросян, а и он, похоже, поймался на том же. Возвратившись в Ереван после очередного раунда в Ново-Огарево, он явно поспешил обнадежить армянских пар-

ламентариев, сказав, будто Президент Азербайджана держит обещание, которое дал на подмосковной встрече: азербайджанский ОМОН находится "вне игры" и никаких новых карательных акций против армянского населения Нагорного Карабаха и прилегающих к НКАО районов больше не предпринимает. Не успело это заявление дойти до центральной печати, как в конце июля-начале августа ситуация опять изменилась к худшему.

Вот и доверяй честному президентскому Аяза Муталибова. Ничуть не более честному, чем слово маршала Язова, министра обороны и оберлуна по совместительству (возможно и наоборот). 23-я дивизия 4-й армии Закавказского военного округа продолжала активно участвовать в осуществлении насильственной депортации армян уже после того, как он заверил, будто отдал приказ о выводе войск из региона всех подразделений Вооруженных Сил СССР.

Так что же - и нет никакого просвета в круговой поруке всепроникающей дезинформации, обмана и лжи? А значит, и надежды на выход из тупика?

Есть и просвет, и надежда. Они в реальных действиях, направленных на активное сопротивление геноциду, на разоблачение скрывающихся его фальсификаций.

Вот обращение народного депутата СССР, председателя координационного совета "Военные за демократию", полковника Владимира Смирнова к офицерам и солдатам, проходящим службу в Азербайджанской Республике:

"Вас используют в преступной необъявленной войне против своего народа. Правительству Азербайджана при попустительстве и содействии центра сделало вас орудием в политической борьбе, которая ведется средневековыми методами...

Солдаты и офицеры! Проводите собрания, разберитесь, куда вас везут и кто везет. Вы присягали служить народу, а не воевать с ним в интересах партукратии. Помните, что ответственность за совершенные вашими руками военные преступления ложится не только на авторов преступления, но и на исполнителей".

Не на бесплодную каменистую землю падают такие слова. Верная себе центральная печать охранительского толка может замолчать, утаить, сокрыть случаи перехода военнослужащих на сторону армянской самообороны, но не в ее силах воспрепятствовать гуманистическому состраданию народу, ставшему бесправной жертвой оголтелого насилия.

Ах, как хотелось бы, чтобы и на азербайджанской стороне нашлись люди, которым достанет мужества признать за многострадальным армянским народом историческую правоту! Увы, даже среди научной и творческой интеллигенции не оказалось пока что никого, кто хотя бы вполголоса осудил резню в Сумгаите, призвал к ответу виновных в

геташенском побоище. Но не может же быть того, что и в ее сознании так уж и не отзовутся никогда ни мировое общественное мнение, ни та, говоря хрестоматийным литературным определением, "всемирная отзывчивость", которую применительно к России непозволительно часто сводят лишь к громкой фразе, до глянца затертой, повторяемой до нестерпимости всуе.

Гражданским актом стала гуманистическая деятельность в Нагорном Карабахе народных депутатов СССР и РСФСР, Моссовета и Ленсовета, представителей российской общественности. Их конструктивные программы выхода из кризиса принципиально носят не отвлеченный миротворческий, а конкретный правозащитный характер. Заявление депутатских фракций Съезда народных депутатов РСФСР в связи с намечавшимся в августе подписанием союзного договора - тоже документ, не преданный широкой огласке:

"Делая настоящее заявление, мы ни в коем случае не принимаем чью-нибудь сторону в достойном глубокого сожаления конфликте между Арменией и Азербайджаном. Однако никакие ссылки на действия противоположной стороны не могут оправдать осуществляемую с конца апреля этого года при содействии Вооруженных Сил СССР массовую депортацию армянского населения.

Подтверждая уважение к суверенитету Азербайджана и Армении, мы не считаем возможным включение в будущий союз какого-либо государства, являющегося участником вооруженного конфликта, так как подписание Россией соответствующего договора означало бы - согласно его условиям - вовлечение России в этот конфликт ради защиты одной из сторон".

Закономерно, что в свете высказанных положений авторы заявления признают неприемлемым и нынешнее участие Вооруженных Сил СССР в карабахских событиях, считают возможным использовать в них только специализированные части, сформированные на профессиональной и добровольной основе, как это предусмотрено постановлением второго Съезда народных депутатов РСФСР "О порядке участия военнослужащих срочной службы в разрешении межнациональных конфликтов".

А между тем в день, когда заканчивалась работа над этой статьей, Интерфакс передал очередное тревожное сообщение. Президент Азербайджана Аяз Муталибов распорядился обстреливать все вертолеты, которые будут нарушать воздушные границы Нагорного Карабаха. Откуда такая вседозволенность противоправных действий?

Она сродни намерениям союзного руководителя в лице А. Лукьянова, Б. Пуго, Д. Язова, которые недвусмысленно дали понять делегации НКАО, возглавленной народным депутатом СССР Генрихом Погосяном:

карабахский кризис будет урегулирован лишь при условии, что Армения останется в составе СССР. Так продолжается политическая игра, непомерной ставкой в которой объявлено самосохранение народа, воспротивившегося имперскому диктату. Так ведущие игроки проявляют недюжинную сноровку в совершенствовании недостойных и, прямо сказать, нечистоплотных приемов.

Но кому выявлять их нравственную несостоятельность, если не свободной, демократической печати?..

1991 г., август

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ПРОДОЛЖАЮЩЕЕ ВСТУПЛЕНИЕ

20 августа, когда у "Белого дома" в Москве решалась судьба страны, начальник отдела охраны общественного порядка Министерства внутренних дел Азербайджана М.Д. Мамадаев направил письмо "гр-ке Гюмреци А.Ф.":

"Ваша телеграмма, адресованная Президенту СССР нами рассмотрена. Сообщаем, что на территории НКАО Азербайджанской Республики для охраны общественного порядка личный состав ОМОНа не привлекается. Ограниченное количество сотрудников этого подразделения (ну, как, право, не вспомнить ограниченный контингент войск в Афганистане! - В.О.) несут службу в аэропорту гор. Ходжалы по досмотру багажа пассажиров в целях недопущения провоза ими запрещенных грузов, в т. ч. оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Неправомерных действий со стороны сотрудников ОМОНа, а также Азербайджанской милиции не установлено".

Можно было бы не обратить внимания на циничное крючкотворство не шибко грамотного милицейского начальника, если б не роковая дата, воспринятая в Азербайджане сигналом к новым противоармянским акциям. Непосредственно в дни путча секретарь-председатель Полянничко приказал нанести ракетный удар по селу Веринишен. Только 21 августа на село обрушилось более 70 снарядов, сожжено 18 домов.

26-27 августа азербайджанский ОМОН вместе с подразделениями 23-й дивизии 4-й армии вел обстрел села Карачинар. 30 августа благодаря посредничеству группы народных депутатов СССР между армянскими и азербайджанскими селами достигнуто соглашение о начале полевых работ и спасении урожая. Однако уже на следующий день омовские БТРы окружили село Карачинар, а вертолеты начали доставлять во-

оруженных людей и боеприпасы. 2 сентября возобновился обстрел села Вернишен. Соглашение было сорвано, обе стороны вновь приступили к боевым действиям.

Это обострение обстановки, несомненно, ускорено путчем, во время которого газета "Советский Карабах" наперекор распоряжениям поляничковского оргкомитета и военной комендатуры не опубликовала ни одного указа самозванного ГКЧП. Прямой реакцией союзного центра на столкновения, возобновившиеся под путчистский шум, явилось заявление министра обороны СССР Е. Шапошникова: "Армия уйдет только тогда, когда в этом регионе восстановится мир". Сам собою восстановится? Все перевернуто с ног на голову, проблемы и задачи второго ряда заняли место первоочередных.

Карабахский узел не развязать без восстановления в полном объеме законно избранной власти НКАО — областного Совета народных депутатов. Ему в Степанакерте, а не Министерству обороны в Москве решать, выводить или не выводить союзные Вооруженные Силы из Нагорного Карабаха, нужны или не нужны они для восстановления и обеспечения мира в регионе. В обоснование того и другого решения можно привести двойные выводы. Безусловно факты есть в пользу армии: ограждая армянские села от азербайджанского ОМОНа, она сдерживала его бесчинства, пренятствовала разбою и убийствам. Но столь же безусловны и факты противоположные, свидетельствующие о том, что армейские части нередко потворствовали насилию, да и сами вершили его.

Однако не в том вовсе дело, каких фактов — за армию или против нее — больше, а каких меньше. Главное в том, кому извлекать из них надлежащие выводы, принимать на их основе решения. Не союзному и не республиканскому руководству, а местной власти, выражающей волю населения. Ею и пренебрег новый министр обороны, послушно пойдя на поводу у Муталибова — Поляничко. Не в смысле повторения подказанных слов. Скорее всего, в смысле воздействия навязанных стереотипов.

Но если мы признаем бесспорное право решать проблемы региона за местной гражданской властью, то и "Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики", принятая 2 сентября на совместной сессии Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного Советов народных депутатов, не должна вызывать сомнений в ее законности. Отстаивая принятое решение в обращении к чрезвычайному Съезду народных депутатов СССР, участники сессии ссылаются на систематическое игнорирование союзными органами всех призывов о помощи, которые исходили на протяжении последних лет из Нагорного Карабаха.

"...С начала карабахских событий прошло достаточно времени. В стране и республиках происходят глубокие демократические преобразования, изменились оценки и подходы ко многим событиям и фактам. Сегодня уже очевидно, что затягивание решения проблемы Нагорного Карабаха ввергло два соседних народа в состояние глубокой конфронтации и вооруженного противостояния. Сохранение и далее такого положения чревато более серьезными последствиями для обоих народов, других народов нашей страны.

Во избежание этого приемлемое решение проблемы должно быть безотлагательно найдено. К такому решению нас привел парламент Азербайджанской Республики, 30 августа с.г. провозгласивший восстановленные государственной независимости Республики".

Надо ли объяснять, чем грозит обернуться для Нагорного Карабаха независимость Азербайджана, даже если она и не осуществиться в форме выхода из СССР? Вот почему провозглашение Нагорно-Карабахской Республики, которая "оставляет за собой право самостоятельно определять свой государственно-правовой статус", воспринимается полномочным актом самозащиты армянского населения региона, гарантией его выживания, самосохранения.

Так в трагической карабахской летописи перевернута еще одна страница, начата новая глава.

1991., сентябрь

... Я начал писать этот репортаж на коленях, сидя на жердине, перекинутой между двумя валунами. Не жаркий, но теплый день, спящее солнце — даже не верится, что в Москве сейчас сыкатная зима и всего через несколько дней Новый год. Свежий горный воздух, чистая родниковая вода — сидеть бы так и сидеть умиротворенно, не томясь многочасовым ожиданием вертолета, да радоваться благодатной жизни, тишине, покою.

Но в толпе истомленных людей — одни встречают тех, кто должен прилететь из Еревана, другие сами хотят улететь, хотя знают, что места всем не достанется, — тревога. Не из-за вертолета, который то ли будет, то ли нет. Не часто доводится видеть разом так много изломанных, покалеченных судеб. У каждого, без исключения у каждого своя драма, своя беда и боль.

Женщина, украинка, замужем за армянином, потеряла одного и разыскивает второго сына, от которого — вот уже четвертый месяц пошел — ни весточки... Старик, 62 года, а на вид все 75, остался один, как перст: погибла вся семья... Рабочий-строитель Альберт Арушанян, беженец из Баку: дом там и все нажитое добро брошены, пристроился у карабахских родственников, ни работы постоянной, ни заработка. С ним разговорились:

— Неужели нельзя все решить по-людски, по-рабочему? После того, что творилось в Баку, и творится сейчас на моих глазах в Карабахе, я уже и не знаю, кому и во что верить...

Крестьянка из села Рев Аскеранского района:

— На наше село напали ночью, угнали 300 овец. Сделали это азербайджанские омововцы, но потом объявили, будто это были армяне. Что теперь будут есть дети? Они ведь и так не знают, что такое конфеты, сахар, макароны, вермишель. Грудных младенцев кормить нечем: молока-то у матерей нет из-за того же недоедания. И еще из-за страха смерти от рук азербайджанских омововцев...

Эти заметки я называю “Карабахским дневником”, повторяю таким образом заголовок знаменитой статьи Андрея Нуйкина в “Известиях”. Той самой, по которой азербайджанская прокуратура при поддержке прокуратуры союзной возбудила против автора уголовное дело. “Чужой” заголовок дан не потому, что не хотелось придумать собственный. Делаю так намеренно. Ибо полагаю, что все мы, кто проникся трагедией

Нагорного Карабаха, кого обожгла, опалила его боль, ведет сегодня единый, общий дневник, куда каждый вписывает свою страницу. Придет, может быть, время, и многоименный дневник сложится в книгу, которая станет коллективным сводом фактов противоармянского геноцида и героического сопротивления ему народа, вынужденного бороться за свое выживание, отстаивать свое место на земле, которая для него родина историческая. Нашим коллективным свидетельством обвинения в преступлениях против человечности, отвечать за которые пристало на новом Нюрнбергском процессе. И прежде всего — за античеловечный принцип решения карабахского вопроса по варварской формуле: нет людей — не проблем.

Что же до уголовного “дела” Андрея Нуйкина, то секретариат правления СП бывшего СССР создал во главе с Алесем Адамовичем специальную комиссию по защите писателя-публициста.

— Как быть теперь с нашим запросом и протестом, которые комиссия направила генеральному прокурору СССР? Ведь союзной прокуратуры уже не существует? — спросил я Николая Вениаминовича Иванова, встретившись с ним и Тельманом Гдлянном во Внуковском аэропорту при посадке на Ереван.

— Никак не быть, — разъяснил он. — И возбуждение “дела” азербайджанской прокуратурой, и поддержка бывшей союзной в нынешних условиях Содружества Независимых Государств утратили юридическую силу.

Судя по всему, однако, прокуроры самозванцы придерживаются на сей счет мнения противоположного. “Провоцирует армяно-азербайджанскую резню А. Нуйкин”, — читаю в очередном пасквиле В. Бондаренко (“День”, 1991, 22-28 декабря). Поосторожнее бы с юриспруденцией, товарищ критик! В лад со своими азербайджанскими единомышленниками вы шьете литературному оппоненту ту самую статью — разжигание национальной розни и ненависти, — по которой судили одного из лидеров “Памяти” К. Осташвили. Но вы тогда, помнится, защищали его печатно...

В Нагорный Карабах я попал со второго захода. Первый был в феврале прошлого года. Но дальше степанакертского аэропорта ни Андрея Нуйкина с женой, ни меня не пустил печально известный капитан Гаджиев. Тогда, насильно выдворенный в Ереван, я, выступая по радио, дал слово: вопреки капитану-атаману в Степанакерте все равно буду. И тем маршрутом, какой сам предпочту: не через Баку, как требовал омововец по наказу бакинского начальства, а из Еревана. Вот и сбилось...

Правда, аэропорт закрыт наглухо, ни на Ереван, ни даже на Баку гражданских рейсов там нет. Но для азербайджанских военных самолетов

и вертолетов используется на полную катушку. А сверх того, расположенный на возвышенности, служит местом, где установлены орудия и откуда почти непрерывно ведется ракетный и артиллерийский обстрел Степанакерта, населенного в основном армянами, а также русскими, украинцами, белоруссами, представителями других народов.

Вот и роковые последствия угрожающего заявления Виктора Поляничко в бытность его вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана и председателем противозаконного, самозванного Оргкомитета по Нагорному Карабаху: "Аэропорт" в Степанакерте уже наш! Так хвастливо изрек он весной прошлого года на сессии республиканского Верховного Совета, грозя в скором будущем осуществить "дело техники" — ввести в Карабах 30 тысяч омонцев, в то время рассредоточенных вокруг в горах. Кровавая акция была осуществлена в рамках операции "Кольцо" в апреле-мае.

...Когда мы — армянский писатель Зорайр Халафян (автор романов, изданных и на русском языке), к месту сказать, уроженец Нагорного Карабаха, и я — вышли из вертолета, нас встретила Жанна Галстян. Спросила буднично, так, словно любопытствовала, успели ли мы позавтракать:

— Вас дорогой не обстреляли?

Вопрос задавался не красного слова ради: вертолеты обстреливают довольно часто.

По пути туда — не заметил, но на обратном, едва влетели в азербайджанскую полосу, разделяющую Нагорный Карабах и Армению, ополченцы, которых прозвали "боевиками", бойцы самообороны, сопровождавшие вертолет, открыли иллюминатор и выставили наружу ствол автомата. Так, не выпуская автомат из рук, и вели наблюдение за землей...

Жанна ждала нас с "газиком". "Героическая женщина", — успел шепнуть Зорик Халафян. Мы разместились посредине. Сзади — двое парней из самообороны. "Спите, — наказала им Жанна. — Больше суток уже не спали". А сама села рядом с шофером, и, как ребята-ополченцы, проверив затвор, поставив ила автомат между колен. "Жанна, вы кто по профессии?" — допытывался я дорогой, благо дорога была длинной и долгой — часа на полтора. Но она ушла от ответа, заговорив о том, что вот уже два месяца почти в Степанакерте не поступает, нет ни писем, ни газет и журналов. Только когда распрошались в городе у здания облисполкома, узнал: актриса степанакертского драматического театра. И по всем свидетельствам — яркая, талантливая.

Нет, не актерское, а тем паче не женское это дело — колесить с автоматом на боевом взводе по крутым и тряским дорогам. Но ведь и не

дело стариков пасти коров и овец не только с кнутом, но и с ружьем в руках. Однако без оружия на пастбищах, как и без автомата на дорогах, никак нельзя: на пастухов нападают, скот угоняют, и зачастую разбой завершается смертельным исходом...

Конечно, самое горячее мое желание — увидеть Жанну на сцене. Так же, как поля — засеянными, урожай — собранным, школы, детские сады, ясли — работающими. Но половину карабахских полей — таких благодатных! — даже не распахивается (пахать не давал тот же ОМОН), осенний урожай собран тоже лишь наполовину, а школы, детские сады, ясли закрыты. Когда говорят пушки, молчат не только музы.

Но музы все-таки не молчат. В писательской организации Нагорного Карабаха 34 человека и помещение, выделенное им в исполкоме, никогда не пустует. Всегда на месте — это его боевой пост — и поэт Вардан Акопян, председатель республиканского Союза писателей, преподаватель степанакертского педагогического института.

Карабахские писатели издают два журнала. Один — "серьезный", "полутолстый" — называется "Арпах". Выходит раз в два месяца, тиражом 5 тысяч. "Пылы-Пуги" (по имени фольклорного персонажа, ставшего в народе нарицательным) — "тонкий", сатирический, ежемесячный, тираж его тоже 5 тысяч. За пределы республики оба журнала практически не попадают, даже ереванские подписчики их не получают. При вертолетной связи всегда находятся грузы нужнее и срочнее почтовых. Когда летели сюда, то вертолет загружали продуктами первой необходимости.

Встреча с карабахскими писателями заняла более двух часов. Сначала сидели при свече. Потом ненадолго вспыхнул свет. Пошутили: ради нашего прилета. Затем снова при свече. Говорили о демократических переменах в Союзе писателей бывшего СССР, о преобразовании его в Содружество Союзов писателей независимых государств, о создании новых Союза писателей Москвы и Союза российских писателей (СРП), о сохранении единого литературного фонда. Многое для моих собеседников оказалось в новинку: военная агрессия Азербайджана и созданная им блокада экономическая имеют своими последствиями не только голод и холод, отсутствие света и воды, но и вакуум информационный при обилии дезинформации. Преодолеть его, изыскав пути и возможности связей литературных, — дело для писателей-демократов самое насущное. Тем более, что наши карабахские друзья связывают свою творческую судьбу с прямым, непосредственным вхождением в писательское Содружество на правах суверенного Союза писателей...

Еще в Москве планировал встречу в степанакертском педагогическом институте (ныне университете), благо имел от него приглашение

выступить с лекциями. Не получилось: с началом особенно интенсивных обстрелов города занятия прекращены, студенты досрочно сдают по сокращенной программе зимнюю сессию. Страдает ли от такого вынужденного ускорения процесса обучения профессиональная подготовка будущих специалистов?

— Еще как страдает! — ответил преподаватель физического факультета, с которым познакомился на темной улице, настолько темной, что и лица собеседника разглядеть не сумел. — Когда в Карабах придут мир и покой, восстанавливать придется не только поля и дома. Предстоит привести в норму и обучение студентов: ни мы, преподаватели, ни они, молодые патриоты своей земли, не повинны в том, что в их знаниях остались провалы.

— Пройдемся по подвалам? — предложил Вардан Акопян ближе к ночи. И пояснил, что из-за ежесуточных обстрелов ракетами и снарядами горожане вынуждены укрываться в подвалах. Перенесли туда кровати, раскладушки, спустили вниз необходимую утварь. Так и живут неделями, месяцами: матери спасают детей, мужчины охраняют матерей. Днем с риском для жизни поднимаются к себе в квартиры, а ночью спят по подвалам...

В первом из тех, куда мы спустились, нас встретила Рая Хачатрян, корректор по специальности, мать двоих совершеннолетних сыновей, которых вырастила одна. Оба в самообороне. Беспокоится ли за них? Еще как! И трезво, здраво понимает, что война есть война, она ожесточает души. Отогреть их заново, растопить ожесточение предстоит матерям. Больше рассказывать, разъяснять ничего не стала: сами видите, как живем — темно, сыро, душно. Невыносимые условия и для взрослых, а уж детям, да еще малолетним стократ тяжелей. Как голосовала на референдуме? Конечно, — “за”. За Карабахскую Республику, за ее суверенность, независимость. И она, мать, и сыновья. Пусть нам будет трудно, даже еще труднее, но от своего выбора не отступим, не отречемся...

Почти слово в слово повторил то же самое в другом подвале Спартак Петросян, молодой рабочий, строитель и, разумеется, ополченец. Он из большой семьи. Старшая — бабушка, ей 74 года. Так в день референдума она поднялась затемно, подняла и детей, и внуков: идемте голосовать. Вот и проголосовали все вместе едва ли не первыми...

Азербайджан, как известно, не признает результатов референдума на том зыбком основании, что азербайджанское население Нагорного Карабаха участия в нем не приняло, а это значит, что все оно — сплошь “против”. Но кто принуждал, неволил его не участвовать, кто препятствовал высказать свою волю так же открыто, как ее высказали армяне?

Отнюдь не армянская сторона, а азербайджанский ОМОН и бакинские власти. И даже если согласиться — примем и такое допущение, — будто каждый неголосовавший был “против”, что изменится во внушительном перевесе голосов “за”? Все равно это три четверти населения, демократически выразившего волеизъявление народа. Причем под обстрелом, а подчас и расстрелом в упор, свидетельством чему — уникальный подвальный музей, который создал Спартак Петросян.

Он собрал коллекцию гильз от тех разнокалиберных ракет и снарядов, что выпущены на город. Берешь сегодня их в руки, и они кажутся еще теплыми. Придет, не может не прийти время, когда остынут и станут реликвией исторической. Тем важнее и нужнее сохранить коллекцию в целости. Для тех еще не родившихся карабахцев, которым предстоит узнать, через какие смертные испытания и муки прошел их народ на исходе цивилизованного XX века.

Что-что, а цивилизация, кажется, пошла на убыль, вспять. Человек не может и не должен жить в тех противостественных условиях, в какие поставлены жители Степанакерта да и все население Нагорного Карабаха. Не для того он создан, сотворен по образу и подобию Божьему...

Именно в степанакертских подвалах обрели жуткую явь давние воспоминания моего блокадного детства. Еще при свете дня, когда ходили по городу, смутно томило это узнавание. Отметины и пробойны в стенах домов, покореженные мостовые, сломанные деревья — рубцы и шрамы на израненном теле Степанакерта. Все до боли знакомо. И все-таки что-то удерживало от прямых аналогий: сказано же, что история не повторяется. Лишь когда спустился в первый, потом третий, потом пятый подвал, то под напором живых лиц и голосов память поддалась аналогиям без внутреннего сопротивления. Да, это октябрь-ноябрь 41-го, когда меня, как этих карабахских сверстников моих внуков, спасали от бомбежек и артобстрелов, и я неделями не видел света, задыхался от спертого воздуха сырого подвала. Та осень повторилась спустя полвека — в последнюю неделю 1991 года...

— Но и мы загнали в подвалы жителей Шуши, — говорит в ответ на мои блокадные воспоминания Левон Мелик-Шахназарян, член объединенного штаба самообороны. — Только я не испытываю от этого радости. Я хочу, чтобы и армянские семьи в Степанакерте, и азербайджанские в Шуше встречали Новый год не в подвалах, а в своих квартирах, и чтобы дети радовались елке. И тогда бы я вернулся к своей филологической профессии. Это моя мечта. Пока что невыполнимая...

Впрочем, о елке не позабыли и в одном из подвалов. Теснее сдвинув кровати, водрузили ее на столе посредине помещения, украсили скудно, но любовно. И пусть елочка чахлая, и игрушек немного, но хоть эта

малая радость скрасила детинкам подвальную обиденность. Здесь, у елки, мы и поздравили друг друга с Рождеством.

Валерий Мирзоян, преподаватель и председатель месткома школы-интерната, которая не работает с 27 ноября — как начались систематические обстрелы:

— Не на кого нам надеяться, как на самих себя...

Венера Мартиросян, заведующая кабинетом армянской истории Степанакертского педагогического института:

— Моя надежда и на Россию. Не должна она оставить нас в беде. Ведь Гюлистанского договора, по которому Карабах входил с 1813 года в состав России, никто не отменял...

Однако надежда надеждой, а подразделения бывшей Советской Армии и войск союзного МВД из Нагорного Карабаха и близлежащих азербайджанских районов выводятся. Мы обсуждаем это, уже зная, что военная комендатура в Степанакерте доживает последние даже не дни, а часы. При этом армейское вооружение и техника, включая тяжелую, передаются азербайджанской стороне.

— Вывод армии, — считает Левон Мелик-Шахназарян, — это предательство. При той технике, какой уже обладают и еще получают азербайджанские формирования, в том числе и ОМОН, мы им противостоять не сможем. Я был в Шуше, был в Геташене и Эркедже, видел обстрелы, бои, в которых погибало много людей. Что будет теперь, когда мы остаемся одни? Новые жертвы, куда в больших, невиданных до сих пор масштабах...

— Но ведь армия нередко действовала заодно с азербайджанским ОМОНОм и зачастую несет прямую ответственность за его преступления?

— Что такое армия? Не обезличенная масса. Живые люди. Часто — несмышленные ребята, не понимающие, куда они попали, во что втянуты, слепо подчинявшиеся приказам. Не они виноваты в том, что приказы отдавались преступные. И их самих калечили морально. Да, были случаи мародерства и со стороны армии. Но были и те, кого клеймят как дезертиров: они переходили на нашу сторону. И то и другое — правда.

...О судьбе одного из первых перебежчиков, казаха по национальности, мне рассказали днем позже. "Дезертирство" стало его сознательным выбором той стороны, которую он посчитал правой. И во всеуслышание заявил об этом по армянскому телевидению. Вскоре был убит в Ереване прямо на улице. Еще одна жертва всепроникающего КГБ, руководимого в то время государственным преступником Крючковым.

— Правда и в том, что мы, армяне, по-хорошему вспоминаем генерал-майора Николая Жинкина, военного коменданта района чрез-

вычайного положения. И месяца не пробыл он на этом посту, а память по себе оставил добрую. Он был честный человек, и сам поступал, и от подчиненных требовал поступать по совести, справедливости. Не в том ли причина его гибели в вертолетной катастрофе 20 ноября? Вполне могло ста ться. Тем сильнее наша скорбь.

...Официальную версию катастрофы, сдвинутому азербайджанской стороной, не поддержал ни один из моих собеседников. Армянские "боевики", убеждали они, тут ни при чем. Армяне не могли обстрелять и сбить вертолет по той простой причине, что он беспрепятственно пролетел над всеми армянскими районами и благополучно приземлился в Агдаме.

Снова поднявшись в воздух, взял курс на Ходжавенд, то есть летел над районом, контролируемым азербайджанским ОМОНОм. Не исключен несчастный случай: туман действительно стоял плотный, и потерять в нем ориентацию не мудрено. Но нет и весомых доводов, отвергающих предположение о возможной перестрелке внутри вертолета...

И еще об армии. С солдатами пообщаться не привелось. Увидел двоих возле бронетранспортера, стоявшего у исполкомовского здания, подошел к ним через проход в колочей проволоке:

— Ребята, можно потолковать с вами?

— Нельзя.

— Ну, ладно, коль нельзя здесь, давайте так: вы остаетесь на месте, а я встану по ту сторону проволоки — побеседуем через нее.

— Нельзя.

Но с полковником Чеботаревым, начальником штаба армейской дивизии, разговор получился.

— Ваше отношение к азербайджанскому ОМОНОу?

— Резко отрицательное.

Обрадовавшись единомыслию, задаю новый вопрос:

— А как вы думаете: уходя, армия оставляет вооружение и боевую технику азербайджанцам. Это справедливо?

— Справедливо.

— Почему? — недоумеваю про себя, но пока что не подаю вида.

— Если президент Ельцин объявляет всю собственность на территории России российской, то и президент Муталибов вправе издать аналогичный указ об имуществе, которое находится на территории Азербайджана.

— А есть ли здоровые силы, которые способны если не предотвратить, то хотя бы не приумножить кровопролитие после вашего ухода?

— Есть.

— Какие?

— Народный фронт Азербайджана.

— Бог с вами! У него же нет в “карабахском вопросе” никаких разногласий с президентом Муталибовым! Мало того: в ряде случаев он идет еще дальше. Здесь предел его “оппозиции”.

— Я не политик и этого не знаю. Это политики мне талдычат: мы о вас думаем, мы вас не оставим. И не думают, и оставили. О нас никто не беспокоится, кроме жен. Кухню пятые сутки не видим. Дивизию надо кормить, а у нас всего-то осталось консервов на два дня. Ни хлеба, ни чая. Чья мы армия? Ни одно государство так к армии не относится. “Не паникуйте, крепитесь, держитесь!” А ради чего? Солдат все обманули. Одни матери их ждут-не дождутся. Который месяц зарплату не получаем. Ни мы, ни наши жены. Вот и считаем себя заложниками...

Михаил Борисович! Я сдерживаю обещание, что дал вам, и, вроде бы, почти дословно произвожу ваш монолог, в котором звучали и обида, и печаль. Но понимая, даже разделяя их, не могу не воспроизвести — о чем также предупреждали нас — и те ваши суждения, которые выдают искривленный взгляд на происходящее вокруг вас. То ли это искреннее заблуждение, то ли успокоительный самообман — судить не берусь. А вдруг соглашательство, невольно или вольно погворствующее злу? Очень бы не хотелось так думать...

— Усилиями азербайджанской пропаганды и некоторых бывших центральных газет официально партийного — все еще! — толка: “Правдой”, “Советской Россией”, “Красной звездой” (о демонстративно шовинистических вроде “Дня” или “Литературной России”— и речи нет) создан устрашающий образ армянского “боевика” — главного виновника спровоцированной смуты. Фанатика, до умопомрачения самоослепленного “национальной идеей”. И во имя ее разжигающего вражду, распалляющего ненависть между народами.

С одним из них познакомился в селе Колатак. Оник Баласанян, командир местного отряда самообороны.

— Армия должна остаться и стоять вдоль границы. Но пусть при этом не поддерживает азербайджанскую сторону. Иначе мы с автоматами окажемся одни против бронемашин и танков. Если у нас будет боевая техника, мы сможем обороняться сами. Сами защитим и матерей, и детей. Я столько больных детей, как сейчас, за всю свою жизнь не видел...

Стольких хилых, рахитичных, истощенных детей и мне не приходилось встречать так много и сразу. Но более других потрясла трагедия директора сельской школы, у которого ночевали, застряв в Колатаке. Его младший 14-летний сын ослеп. Мать, учительница в начальных

классах той же школы, ведет подростка от кровати к столу, а в глазах застывшие слезы, которых ей уже и не выткать. Диагноз — нервный стресс. А как не быть стрессам в запредельной стрессовой ситуации, что длится непрерывно пятый год!..

Заметил: трогательно нежны “боевики” к детям. Когда летели из Еревана, была рядом женщина с двумя малолетними погодками. Оба заснули — одна на моих, другой на ее руках. И тут же “боевики”, сидевшие напротив, снимали пропотевшие куртки, чтобы укрыть малышей теплее...

Оник Баласанян:

— Никому я сейчас не верю. А центру — прежде всего. Только российские “Вести” передают о нас правдивую информацию. А во “Времени” — или как там теперь называется эта программа? — одна неправда...

Он же:

— Разве я против, чтобы азербайджанцы жили в Карабахе рядом с нами в своих деревнях? Никто из нас не против — пусть живут. Но в мире, чтобы не убивать нам друг друга. Мы не убийцы, а народные защитники...

Часто говорит о смерти: пусть я погибну, но карабахская земля будет свободной; пусть я погибну, но карабахские дети будут жить; пусть я погибну...

— Оник, дорогой, не спеши погибать. Своей земле ты нужен живым.

Вдруг вижу, как глаза его повлажнели...

В азербайджанских газетах обо мне написали дважды (может, и больше: не следил, не подсчитывал), будто подкуплен армянскими “боевиками”. И даже наша “Независимая газета” поместила однажды беседу — правда, сопроводив ее своим критическим комментарием, — с атаманом Гаджиевым, где та же пошлая чушь: видать, хорошо заплатили писателям из “Апреля”. С чего бы иначе они так рвались в Степанакерт?..

Не считал нужным унижаться до ответа. Но здесь ответу на языке, доступном разумению учителей:

Да, подкуплен. И именно “боевиками”. Их мужеством и бескорыстием, самоотвержением и честностью, чистотой и благородством души. И еще бутылкой тутовой водки, которую мне подарили в Степанакерте. Забегайте на огонек, так и быть угощу...

Пребывание в Степанакерте и Колатаке вышло на редкость спокойным. Хоть и видел всюду автоматы — ни одному не пришлось стрелять. И обстрела города и села на этот раз не было. Но это вовсе не значит,

что ничто не нарушало покой Карабаха. Он Карабаху "только снится". Вот краткая хроника событий, произошедших в те самые дни, которыми датирована поездка:

22 декабря. Ночной обстрел села Казанчи. Под прикрытием огня нападавшие увели 78 коров...

23 декабря. Сразу после того, как в Гадрутском районе были сняты военные посты, 150 омовцев ворвались в село Караглух. Шестеро армян пропали без вести: взяты заложниками? Убиты? По домам палили из протivotанковых гранатометов. Село сожжено.

Хатынь?

Сонгми?

Армянский Караглух в их скорбном ряду...

В тот же день подверглось омовскому нападению село Авдур Мартунинского района. Ракетным выстрелом убиты пятеро детей от 7 до 14 лет...

24 декабря. Повторное нападение на это же село...

25 декабря. Возле Степанакерта обстреляли автобус. Убит водитель...

И все четыре дня подряд из азербайджанского села Акдабан шел ракетный и пушечный обстрел армянского села Чапар. Из того же Акдабана автоматами и пулеметами обстрелян пассажирский вертолет. Пятеро ранено...

"Насколько верно это решение, покажет время", — невозмутимо заметила "Советская Россия" (1991, 28 декабря) о выводе войск из Нагорного Карабаха армейских соединений и внутренних войск. Время не замедлило "показать" более чем впечатляюще. Какой же надо обладать абберацией зрения, чтобы не предугадать этого заранее?..

Все перечисленные акты вандализма, насилия совершены сразу вслед тому, как президент Азербайджана, присоединявшегося к Содружеству Независимых Государств, подписал Декларацию, которая предусматривает отказ от применения силы и угрозы силой, экономический и любые другие методов давления, будь то осада, голод или блокада, уважение прав и свобод человека, включая права национальных меньшинств. Декларация подписана 21 декабря.

Зорий Балаян, народный депутат СССР:

— И как раз 21 числа начался весь этот кошмар.

Прощаясь с Варданом Акопяном, я сказал ему примерно так: не хочу прослыть пророком, но мне кажется, двухдневное затишье в Степанакерте — всего лишь короткая цердилька, пауза в преддверии новой агрессии, которая приурочена ко дню парламентских выборов, назначенных в Нагорном Карабахе на 28 декабря.

Пророчество сбылось. Выборы депутатов Верховного Совета Карабахской Республики проходили под непрерывным обстрелом и Степанакерта, и армянских сел. Он начался в ночь перед выборами, когда азербайджанская сторона возобновила убийный ракетный и артиллерийский огонь. Более 200 ракет и снарядов низвергнуто на жилые кварталы города. Разрушено 40 домов. Убито 13 человек, 43 ранено. Половина из тех, кто ранен тяжело, обречены: нет перевязочных материалов. Подошли к концу запасы муки.

30 декабря, в канун Нового года, бои шли на подступах к Степанакерту. Город окружен более 20 батальонами в форме азербайджанского ОМОНа, которых поддерживают бронетехника и танки.

Карабахская Республика обратилась с призывом о помощи к Содружеству Независимых Государств и в Организацию Объединенных Наций.

Неужто и эта мольба о спасении - в пустоту?

И тогда мой репортаж - реквием?..

СТЕПАНАКЕРТ - КОЛАТАК - ЕРЕВАН
1991 год, декабрь

2

Перешагнув недавно половину седьмого десятка, могу и не стыжусь признаться: с юности осталась потребность высказывать свое "состояние души" строками стихотворными. И как ни подавлял в себе страсть к стихотворству, она оказалась сильнее воли. Стихи писал всю жизнь. Иногда два-три в год, иногда до десятка и больше. Но никогда не держал мысли считать себя не то чтобы поэтом даже стихотворцем. Помимо всего, от самопадежности уберегла дружба с истинными поэтами, чей талант особенно ценю. И когда много лет назад сын, тогда еще школьник, спросил вдруг, пишу ли я стихи, ответил без самоуничтожения, не лукавя, вполне искренне: был бы, наверное, очень плохим критиком, если бы придавал им серьезное значение.

Не придаю поэтического значения и этим строкам, которые, однако, впервые на своем веку предлагаю читательскому вниманию. Решаюсь на публикацию единственно потому, что в них документально удостоверено то потрясение, какое привелось испытать в поездке по Нагорному Карабаху в последние дни 1991 года. В это уже не просто и не только мои личные переживания. Отсюда и посвящения тем немногим, кому обязан поездкой, с кем свели встречи в пути...

СТЕПАНАКЕРТ

Улицы спянут без света,
Нету в домах воды...
Это войны все приметы —
Знаки общей беды.

Словно полярные ночи —
Вечная мерзлота.
Светят армянские очи,
Теплится в них мечта.

Неистребима и жгуча
Гордой страны Арцах
Память о лучших из лучших,
Верных ее сынах.

Многострадальную землю
Греет этот огонь.
Радость и горе — приемли,
Раны ее — не тронь!

В эти полярные ночи
Город укрыт, согрет:
Светят армянские очи
В толщу грядущих лет.

БОЕВИК

*Зорайру Халафяну, писателю, уроженцу
Арцаха, товарищу по поездке*

И пропотевшим полушубком
Прикрыл ребенка "боевик",
И сладко спит, сопит Мишутка,
Как будто к этому привык.

Под гул моторов вертолета
Приведен к бою автомат —
На случай, если снизу кто-то
Пальнет осколочный снаряд.

И так не первый день на пятый
Кровавый год пошла война,
И Карабах лежит распятый —
Кто виноват и в чем вина?

Нет, "боевик" в том не виноват:
Спаситель Родины своей,
Рискуя собственной кровью,
Он смерть отводит от детей.

Спи, спи, малыш, спокойно, крепко,
И пусть тебе в блаженном сне
Приснится дядя в мятой кепке
И с патронташем на ремне.

1941-1991

*Вардану Акопяну, поэту,
председателю Союза писателей Карабаха*

В блокаде город...
Уже пятый год
Как началась кровавая блокада,
И призванный к оружию народ,
Клянется "не оставить Ленинграда".

Не город на Неве Степанакерт
Спустя полвека повторяет клятву.
Как Ленинград, он мужества полпред,
Как Ленинград гроза врагам заклятым.

Израченный, лежит он среди гор,
Ракетами налят в него оттуда,
И это не обстрел расстрел в упор,
И веры нет в спасительное чудо.

Дома солдаты в шрамах и рубцах,
Деревья боевые ветераны.
Но кто, когда на деле не словах —
Залечит многочисленные раны?

К закату клонит просвещенный век...
Рискнем ли вдруг поведать, не лукавя,

Что в мире не бесправен человек
И миром зло по-прежнему не правит?..

ЕЛКА

Народной артистке Жанне Галстян

I

Я Рождество встречал в подвале
Среди детей и матерей.
Ракеты их сюда загнали
Убойной силою своей.

Мы говорили трезво, здраво,
Без подцензурных выкрутас
О том, что все имеем право
На жизнь для каждого из нас.

Стояла елка в том подвале —
Вся в блестях, лентах, мишуре.
В годину горя и печали
И это праздник детворе.

II

А что же матери России
В Москве, в Вятке, в Твери?
Хотя бы Бога упросили
Добрей быть, что ни говори.

Увы, не ведают, не знают
О том, что пятый год подряд
Их сверстниц здесь уничтожают
Ракета, автомат, снаряд...

ОНИКУ

Пусть я погибну, но земля Арцаха
будет свободной...

*Оник Баласаян, командир отряда
самообороны в селе Колатак*

Не накликай беды себе, Оник, —
Карабаху ты нужен живым:
Кто же черные тучи разгонит
По-над солнечным краем твоим?

Будут люди распахивать землю,
Будут дети "смеяться и петь".
Боль и скорбь твои сердцем приемлю,
Но молю: отгони свою смерть.

Пусть ее окровавленный призрак
Не тревожит бесстрашной души,
Не дождется печальной пусть тризны
Ни один из новейших пашей...

III. 1993 ГОД, ИЮЛЬ

I

Почему-то вдруг — нелепая, право, ассоциация — вспомнилось
мне бодряческого шлягера застойных времен: "Под крылом самолета о
чем-то поет зеленое море тайги".

Наверное, потому, что под винтом вертолета тоже было море.
Тележное. Благодатное. Но совсем не таяжное. И оно не пело. Кричало.
Стенало. О тяжелых увечьях войны.

Начиная с вконец разрушенного Лачина и на протяжении всего
"коридора", под нами проплывали сплошь обезлюдевшие армянские села
с обугленными остовами домов без крыши, продырявленным коробками
стен, незрячими глазницами выбитых окон, пустыми проемами дверей.
Полтора года назад я не мог видеть этого: места у открытых иллюмина-
торов заняли "боевики" — бойцы отрядов самообороны, на случай воз-
можного обстрела выставившие наружу автоматы на боевом взводе.
Сегодня мне позволяли сесть в "фонаре" рядом с вертолетчиками:
круговой обзор во все стороны, хоть вверх, хоть вниз. Так что цветущие
некогда села открывались мне совсем с близкого расстояния, благо вертолет
летел низко, вплотную прижимаясь к седловинам гор...

Новыми руинами встретил и Степанакерт. Полностью или час-
тично в нем разрушено 270 домов. Среди них оказалось немало тех, что
на прошлой поездке запомнились целехонькими. В один такой дом —
многоквартирный, на главной улице — попало 16 снарядов. Трое детей
погибло.

Но еще вопрос, каких зданий сегодня в городе больше — раз-
рушенных или восстановленных, составляющих по государственному

сектору 80 процентов и 20 по частному. Строительный кран — такая же неотъемлемая деталь городского пейзажа, как заплатки на уличных мостовых и окрестных дорогах, разбитых снарядами “Града”. Проявляя изобретательность и сноровку, дома отстраивают, что называется, “на ходу” — по секциям, дабы не выселять всех жильцов сразу. Не хватает бетона, цемента, нет стекла — окна затягивают прозрачной пленкой.

Прошлый приезд сюда пришелся на последние дни 1991 года. Вместе с известным армянским писателем Зорайром Халафьяном, карабахцем по рождению, и председателем Союза писателей Нагорно-Карабахской Республики, преподавателем Степанакертского педагогического института, теперь уже университета, Варданом Акопяном я ходил тогда по подвалам, где, спасаясь от каждодневных, а еще пуще каждоночных обстрелов, укрывались едва ли не большая часть городского населения. Подвалы обитаемы и сегодня: в них остались те (“живем с крысами”, — горько обронила работница швейной фабрики Розалия Бабаян), чьи квартиры разрушены прямыми попаданиями. Но и у этих семей появилась надежда вернуться к нормальной, цивилизованной жизни. На восстановление большого жилого дома, рассказывает Юрий Нерсисян, мэр Степанакерта, уходит 6-8 месяцев. На это время людей можно поселить в пустующих школах, детских садах. К осени снова в полном объеме начнут действовать водопровод и канализационная система. Степанакерт — город без магазинов: при строго нормированном распределении продуктов (например, муки — по 7 кг в месяц на человека) они закрыты за ненадобностью. Однако запасы продовольствия медленно, но накапливаются. У городских властей появилась реальная возможность сверх месячных норм дополнительно выделять нуждающимся и особенно многодетным семьям и муку, и масло, и мясо. Среди всех дефицитов самый необходимый — сахар: от нехватки его больше всего страдают дети.

В канун 1992 года подвальный быт темного Степанакерта заставил меня взяве пережить ленинградскую блокаду, отложившуюся в сознании неослабной памятью детства. Сейчас эти впечатления несколько сгладились. Со взятием Ходжалы и Шуши, с высот которых азербайджанская армия обстреливала Степанакерт с расчетом на уничтожение, город не воспринимается таким, как тогда, — блокадным. Но по-прежнему остается прифронтовым. Война рядом и дает о себе знать не только военными патрулями на улицах, бесперебойной работой госпиталя, в котором довелось побывать, или отдаленным громыханием танков и бронетранспортеров. В канун нашего прилета в Степанакерт азербайджанская армия предприняла из-под Агдама очередную попытку наступления. Удайся она — и танки противника, прорвавшись во фронтовой Аскеранский район, были бы в Степанакерте за пару часов.

Наступление отбили, но без потерь не обошлось. Вертолет, на котором нам предстояло лететь в Мардакертский район, срочно послали на тяжелоранеными. Мы встречали их на вертолетной площадке — троих молодых парней на носилках, в трубках капельницы. Тут же видели мальчика, подорвавшегося на mine, которых полным-полно осталось вокруг на дорогах и на полях. Лицо — сплошная кровавая маска, глаза илты кровью — удастся ли спасти зрение? И раненых, и мальчика перенесли в вертолет, летевший на Ереван. С ними же отправили психически больного, чье помешательство — тоже следствие войны: стресс после потери близких...

2

В село Вагуас Мардакертского района прилетели несколькими часами позже, под вечер. Оно разрушено полностью — ни одного дома целого.

— Вон где мы жили, — показывает 75-летний Енуш Сагиян на ближайšie к месту нашей посадки развалины — все, что осталось от просторного, в два этажа (шутка ли, 8 детей в семье!) дома на склоне горы. Строили шесть лет, а лишились в один день.

Она ведет нас на сельское кладбище: поглядите, во что обошелся разбойный захват села азербайджанцами. Не просто грабили жителей, не только издевались и измывались над ними, насильничали, но цинично глумились над тем, что свято для всех.

Любовно обихоженное кладбище разорено. Покореженные ограды, поваленные, разбитые памятники. И развороченные, выпотрошенные могилы. Гробы вытаскивали ломали, останки выбрасывали на землю и сладострастия ради расстреливали из автоматов.

— Даже гитлеровцы в войну такого не делали! — воскликнул, ужаснувшись, кто-то.

Неверно. Бывало, что и они разоряли кладбище. Фашизм, будь он коричневого, красного или зеленого цвета, “цивилизированный” западный или “варварский” восточный, всегда имеет родовые черты. Одна из характернейших — вандализм. Чиня его в селе Вагуас, оккупанты знали, что вершат дело черное, несправедное. Культ предков, почитание покойных присущи мусульманской религии не меньше, чем христианской. Надругательством над армянским кладбищем азербайджанские насильники намеренно оскверняли национальные святыни — ударить, так больнее и по больному.

Где же вы, мастера культуры, писатели-гумансты? Почему молчаливо сносите и молчанием поощряете человеконенавистничество своих соплеменников?

В начале 1991 года, когда я впервые соприкоснулся с трагедией

Нагорного Карабаха, завязалась ненадолго переписка с давним — и поначалу добрым! — знакомым: председателем Союза писателей Азербайджана Анаром. Он укорял меня за необъективность, объяснял ее односторонней информированностью. И, во избежание односторонности, пригласил в Баку, чтобы вместе и на “законных” основаниях (прилет в тогдашнюю НКАО через Ереван он посчитал незаконным) отправиться оттуда в Степанакерт: объективная информация в таком случае будет, гарантирована. Ах, Анар, Анар! Я вспомнил вашу лукавую телеграмму на кладбище в Вагусе, на краю одной из разрытых, оскверненных могил. Что может быть объективнее того, что видишь собственными глазами?..

Солнце заходило. Тележурналисты, прилетевшие с нами, спешили огнеть хроникю. Для карабахского и армянского телевидения, а также — всего миру — для российских “Вестей”. Но и эта “минута” не прошла. Почему? Неужто все из-за той же пресловутой объективности, понятой по-анаровски? Или побоялись омрачить настроения россиян кошмарными видениями? Но не случалось еще такого в мировой истории, чтобы гражданское общество, тем паче то, которое хочет жить в правовом государстве, выигрывало духовно и нравственно на незнании или утаивании правды...

В сравнении с Вагусом селу Туми Гадрутского района “повезло”; оно не было захвачено, не пережило оккупации. И, как ни интенсивно обстреливалось, — отделалось немногими разрушениями: спасло удобное местоположение в долине среди крутых, обрывистых гор. Но вооруженным нападениям, от которых приходилось отбиваться охотничьими ружьями, подвергалось. Прошло село и две проверки паспортного режима — палаческое изобретение покойного Виктора Поляничко* в бытность его вторым секретарем ЦК КП Азербайджана и одновременно председателем самозванного оргкомитета по НКАО (учитывая колониальный афганский опыт председателя, этот комитет точнее было бы назвать не организационным, а оккупационным). Обе “проверки” сопровождалась безудержным произволом азербайджанского ОМОНа, вымогательствами, грабежами. Одна из многих жертв правового беспредела — Вагаршак Амирян. Он был студентом, имел степанакертский паспорт, но с ереванской пропиской. Проверявшие омововцы сочли его пребывание в родном селе незаконным. Предложили откупиться деньгами, а, получив отказ, посадили в пушинскую тюрьму. По вызволении из заключения он стал бойцом отряда самообороны.

— Боевик... боевик! — возмущается он расхожими штампами и ярлыками противармянской пропаганды. — Когда надо защищать народ, наши родные дома, детей, женщин, стариков, — каждый становится боевиком...

Как пережили зиму? И как переживут следующую?

Рассказывает мать четырех детей Нина Мелкумян, в девичестве Вихарченко, родом из-под Саратова. Муж, шофер по специальности, как все мужчины-односельчане, в отряде самообороны. С саратовскими родными — почти не работает! — связи никакой. Мать даже не знает, жива ли ее дочь в далеком Карабахе. Пользуясь случаем, посылает с ними весточку: жива, здорова, хотя жизнь не назовешь легкой.

Особенно трудно было с зерном, а будет еще труднее. Хлебные поля от села далеко — на территории, захваченной азербайджанцами. Скот — 300 коров в частном секторе, 100 совхозных — сохранили, но кормить нечем: лучшие пастбища тоже захвачены. Держатся огородами. Основная еда — фасоль. Для детей взамен сахара варили сироп из тутовых ягод. Но в этом году в майские заморозки, со снегопадом тутовые да и все фруктовые деревья померзли, — ни ягод не будет теперь, ни фруктов.

Сельская школа работала всю зиму. Занятия начались в октябре. Уроки вынуждены были сократить до 30 минут, да и они то и дело прерывались из-за обстрелов.

В общем, куда ни глянь — всюду трудности. Но они не так тяжелы, если переносятся сообща, каждым по совести. А у армян есть совесть: искоренной тумичанке это виднее. Вот, к примеру, живет в селе старая азербайджанка, не пожелавшая никуда уезжать из дома, где прошла жизнь. И никакого зла ни от кого не видит, ни одного дурного слова о себе не слышала. А назовите азербайджанское село, где так же спокойно жил бы хоть один армянин! Не назовете...

Кажется, этот поворот беседы и послужил мостом к вопросу, поставленному ребром. Рано ли, поздно ли — конечно, лучше раньше, чем позже — война кончится, наступит перемирие, затем мир. Смогут ли армяне и азербайджанцы опять жить вместе, рядом, как это было в Карабахе до войны?

Ответило несколько голосов сразу: если и смогут, то не мы. И не наши дети, для которых “враг” — не пустое слово. Они видели врага в лицо, знают, кто в них стрелял, кто грабил, от чьих рук увечились или погибали близкие. Вряд ли они смогут забыть обо всем этом. Другое дело — дети этих детей...

Я смотрел на спящую вокруг, весело гомонящую детвору. И вспоминал себя подростком в первые послевоенные годы, когда, пережив ленинградскую блокаду, долго не мог смотреть на пленных немцев спокойно, без ненависти. И много позже, когда впервые попал в Берлин, не мог одолеть одну и ту же назойливую, как навязание мысль: отсюда все и пошло. Корил, стыдил, клял себя на чем свет стоит: другая страна, другие поколения, люди, а мысль внушениям не поддавалась, всплывала и всплывала из недр неподвластного подсознания. Стыдиться ли сейчас

этого? Не уверен. Груз памяти не из тех, которые легко сбросить волевым усилием, призвав себя к забвению. Память зачастую сильнее воли. Нельзя не считаться с этим прекрасодушным политикам-миротворцам, которые рекомендуют карабахским армянам, как ни в чем ни бывало, начать свои отношения с азербайджанцами с "чистого листа" — снова жить и трудиться на одной земле в дружбе и братстве, под знаменами интернационализма. Так, словно никогда ничего между ними не было. Но ведь было, было! И никакая миротворческая директива не отменит задним числом прожитого и пережитого, не обяжет забыть о них напрочь. Поэтому, заглядывая в мирное будущее Нагорно-Карабахской Республики, разумнее всего думать загодя не о том, как заново селить людей "единым человеческим общежитием", а как развести их, положившись на целительное и искупительное время. Без здравого учета психологической реальности, изменить которую по силам лишь времени, причем, после всего испытанного, длительному времени, за "интернациональное" обустройство жизни в Нагорном Карабахе и браться нечего. И то благо, если НКР и Азербайджан установят нормальные межгосударственные отношения — партнерские, добрососедские, взаимовыгодные и взаимоважительные.

3

Следующая поездка уже не на вертолете — на машине с красным крестом. Во фронтовой штаб Аскеранского района. Оттуда по тряской и не прямой, а в объезд дороге — путь напрямик заминирован к линии фронта. Останавливаемся у подножия горы, недалеко от танка, несущего караульную службу. На вершине — снизу не видно — боевой пост наблюдателей. Тех, кто первыми примет на себя удар в случае атаки. Крутой и потому долгий подъем к ним. Настолько крутой и долгий, что Зорий Балаян, сам остановившийся перевести дух, почел за благо взбодрить нас:

— А баронесса Коке уже давно была бы наверху...

Наконец мы тоже наверху. Впереди под нами Агдам. Уже давно не город: население вывезено, как и все, что можно было вывезти, вплоть до запасов винной и коньячной продукции на местных складах. Огневая точка, откуда ведутся обстрелы мирных армянских сел. Боевой плацдарм, исходный рубеж для наступательных операций азербайджанской армии. Ее укрепленный район. Агдам как на ладони: каждый отдельный дом виден и без бинокля. Левее — армянское село Храмонт, разрушенное дотла. Позавчерашнее наступление с целью захватить господствующие высоты началось отсюда.

— Отбив атаки, мы могли бы сами перейти в наступление и взять Агдам за два часа. Но не стали этого делать: и без того нас называют

агрессорами. А мы не агрессоры и не хотим, чтобы нас ими считали, — говорит 43-летний командир отряда Сергей Хачатрян, по мирной профессии инженер-электрик.

Знакомлюсь с его подчиненными. Среди них 29-летний Кима Агаджанян. Бежени из Баку. Работал на померном нефтеперерабатывающем заводе. Придя одлажды к проходной, узнал от охраны, что уволен и заводской его пропуск аннулирован. Так и не пустив рабочего за проходную, послали в отдел кадров оформлять расчет. А там, заодно с документами, выдали 40 рублей вместо положенных пятисот — тогдашней месячной зарплаты. Не взял: дарю на кефир... Хочет ли побывать в Баку? Конечно. Но не сейчас, а после войны. Чтобы посмотреть на людей, которых хорошо знал, с которыми жил и работал, даже дружил многие годы: что с ними случилось?..

Здесь, на вершине горы — кажется, ее зовут Верблюжьей — ясно и четко определилось то главное впечатление, которое я вынес из поездки, существенно отличной от предыдущей. Оно в том, что на этот раз я встречался и разговаривал не с добровольцами-"боевиками" из разрозненных отрядов самообороны, а с бойцами регулярной армии НКР. Именно ее создание, ее внушительные победы стали тем новым и решающим внешнеполитическим фактором, который принудил и ближе и дальше зарубежье если не официально признать НКР, то хотя бы напрямую, без толмачей-посредников прислушаться к ее неисканному голосу, авторитетно и ответственно говорящему на равных с равными. Как это было 28 июля на двусторонней встрече полномочных делегаций руководства Нагорно-Карабахской Республики и Азербайджана. И хотя встречу омрачило нарушение соглашения о трехдневном прекращении огня, можно, пожалуй, надеяться, что за этой первой — лиха беда начало — последуют другие, где так же не понадобятся сторонние третьи лица, будь то даже Армения или Россия, ни в качестве наблюдателей, ни в роли посредников.

Так, создав регулярную армию, 180-тысячный армянский народ Нагорного Карабаха явил миру жизнестойкую силу, которая помогла ему выстоять против 7-миллионного Азербайджана. "Народную армию", — уточнил эту мысль министр обороны НКР Серж Саркисян. Наверняка самый молодой в мире министр обороны. И если не единственный, то один из немногих, кто хотел бы не оставаться быть таковым как можно скорее. Как и абсолютное большинство армейских командиров, он не профессиональный военный. Военным его, филолога по образованию, сделала необходимость, заданная ходом национально-освободительной войны.

С превращением добровольных отрядов самообороны в регулярную народную армию связаны глубинные сдвиги в психологии бойцов, в их

доминирующих настроениях, в самом, если угодно, мировосприятии. Во второй части "Карабахского дневника" я рассказывал о встрече в селе Колатак с командиром местного отряда самообороны Оником Баласаняном и приводил его доподлинные слова:

— Пусть я погибну, но карабахская земля будет свободной... Пусть я погибну, но карабахские дети будут жить... Пусть я погибну... — Оник, дорогой, не спеши погибать. Своей земле ты нужеи живым, — возразил я тогда.

Так и не сумел узнать, — в Колатак на сей раз не попали, — жив ли он сейчас. Но часто вспоминал о нем, встречая среди отважных, мужественных защитников Карабаха старых и обретая новых знакомых. Потому что такой прежней настроенности на непременно самопожертвование, неотвратимую гибель ныне не почувствовал ни у кого. Все хотят и выжить, и победить. Чтобы жить победителями...

А победителям в войне справедливой, освободительной, народной присущи великодушные и благородство. Вот и бойцы на Верблюжьей горе — после отбитой атаки, угрожавшей жизни каждого! — заговорили вдруг о том, что им жалко 16-летних азербайджанских юнцов, которых, подставляя под пули, гонят в наступление, как на убой. Если они не бегут назад, побросав в панике автоматы, то и погибают первыми от встречного огня. И остаются лежать на склонах: убитых и даже раненых азербайджанцы, страшась обстрела, подолгу не спешат выносить.

— Вчера, наконец, пришли. Мы видели их, но мешать не стали. — не открывая огня, дали спокойно унести тела...

О том же — великодушия, благородстве победителей — подумалось в Шуши. Древний город, культурный центр края нынче малолюден, пустынен, жизнь в нем только-только возрождается. Расположен город на высотах, нависающих над Степанакертом: любой дом виден отсюда, как мишень в тире. Зная, кто где живет, нередко вели прицельный огонь.

— Стоило выглянуть на балкон, выйти на террасу, как тут же раздавался залп, — вспоминал карабахский журналист, показывая пробоины в стенах, оставленные осколками снарядов.

При взятии Шуши, город потерпел сильно, разрушений много. В их числе два памятника зодчества — древний армянский храм и персидская мечеть. О последней писали в азербайджанской прессе, будто "неверные" армяне сравнивали ее с землей. Очередная ложь. Как ни пострадала мечеть, а сохранилась ничуть не хуже, если не лучше армянского храма. Уцелели и два минарета, даже керамическая облицовка не обвалилась. Когда взяли город, одной из первых забот командования было поставить у мечети охрану: вдруг да придется предотвращать стихийный ли выплеск толпы, намеренную ли провокацию. По счастью, не случилось ни того, ни другого. В настоящее время на восстановление персидской мечети в

Шуше степанакертская мэрия при всей ограниченности своего бюджета выделяла 10 млн. рублей. Сопоставьте этот высоко гуманный акт доброй воли с вагальским разорением кладбища в селе Вагуас: комментарии, как говорится, излишни...

Здесь я позволю себе отклониться от сюжетной хронологии дневника и, забежав вперед, коснуться событий, которые произошли после поездки. Агдам был сначала окружен, потом взят армией НКР несколько дней спустя после того, как мы разглядывали его сверху в бинокль и без бинокля. Совет Безопасности ООН расценил это как оккупацию азербайджанских территорий, потребовал "немедленного полного и безоговорочного вывода участвующих в конфликте оккупационных сил из района Агдама и всех других недавно оккупированных районов Азербайджана". "Все другие", надо полагать, — не что иное, как те "15 процентов азербайджанской территории", на самоуравное отторжение которой в пользу Армении (?) жаловался россиянам обидренный Гейдар Алиев, выступая 7 августа в передаче останкинского телевидения "Избранники и народ". По представлениям то ли несведущих, то ли введенных в заблуждение Ооновских законников, это и есть, собственно, вся территория "Нагорно-Карабахского региона Азербайджанской республики", которую временщики-правители из Баку лишили статуса даже автономии, объявив полтора-два года назад об упразднении НКАО. В пылу сколь распаленных, столь и близоруких имперских, шовинистических амбиций, они и мысли не допускали, что необратимый ход событий принудит Азербайджан сесть с не признанной им НКР за стол прямых переговоров.

Ничуть не логичней требование Совета Безопасности вывести армейские части НКР как из Агдама, так и из других с боями отбитых бастионов — опорных баз, укрепленных районов, будь то Кельбаджар или Лачин, Ходжалы или Шуша. Ведь если народу НКР навязана многолетняя блокада, которой не видно ни конца ни краю, то нет для него никакого выхода, кроме одного-единственного — прорвать блокадное кольцо. Взятие Агдама поэтому — военная необходимость, настоятельно продиктованная интересами жизнеобеспечения карабахских армян, их национального самосохранения под напором азербайджанской политики геноцида, народного противостояния и сопротивления этой политике. Не взять Агдам — значило бы послушно смириться с ним как с боевым плацдармом, угрожающим новыми наступлениями, легко преодолимыми дальнобойными орудиями. Забыть ли, что систематические обстрелы Степанакерта (эпизодические продолжают до сих пор, один из них был вскоре после нашего отъезда) прекратились лишь тогда, когда армяне овладели Ходжалы и Шушой? Хотите все заново вернуть на круги своя, господа дипломаты?

Вернете, если по-прежнему недальновидно будете выставлять освобождение того же Агдама (или Кельбаджара) условием мирных переговоров. Между тем, НКР и без ваших посреднических усилий готова вывести из них свои части, но под твердые и контролируемые гарантии: ни эти, ни другие населенные пункты не станут отныне укрепленными районами. «НКР не имеет никаких территориальных претензий к Азербайджану, а агдамовская операция была вызвана лишь необходимостью подавления артиллерийских огневых точек, с которых постоянно обстреливались Степанакерт и другие районы Нагорного Карабаха», — заявил и.о. председателя Верховного Совета НКР Карен Бабурия в связи с решением Совета Безопасности.

Неконструктивная позиция, торопливо и, по всему судя, без знания дела занятая Советом Безопасности, привела постоянного представителя Азербайджана при ООН в буйный восторг, неумное ликование и умиление. Он увидел в ней ни мало ни много “большое достижение азербайджанской (!) дипломатии”. А мы-то простодушно думали. Что неусыпный страж мира и справедливости, прав человека и прав нации твердокаменно неколебим, неподкупен. И не поддастел ничьим заинтересованным давлениям!..

4.

Когда находились на Верблюжьей горе, пару раз возникала короткая и какая-то ленивая перестрелка. Признаться, подумалось ненароком: не для нас ли и телевизионщиков, чтоб поэффектней выглядело, создаётся “всамделишный” боевой антураж? Сомнение оказалось явно поспешным. Снизу, из-под Агдама, по-видимому, заметили необычное скопление людей. Едва мы начали спуск, обстрел высоты — нагнать страху? — стал “настоящим”: пули то и дело посвистывали справа. Правда, никакого вреда они причинить не могли: выступы скал служили надежным прикрытием, да и шли мы под прямым углом к вершине. Но ощущение все же не из приятных.

Однако не самое неприятное из тех, какие вынесены из поездки. Две встречи оставили впечатления тягостные, гнетущие.

Первая — в степанакертской больнице, где размещены азербайджанские заложники. Когда мы изъявили желание посетить их, разрешение было получено без проволочек и сразу подкреплено делом: поехали. Баронессе Кокс — она рассказывала об этом на пресс-конференции в Москве — азербайджанская сторона в аналогичной просьбе о встрече с армянскими заложниками отказала категорически.

Стоит напомнить: практику заложничества в карабахской войне первыми ввели азербайджанцы. Чтобы выволбить захваченных пленников,

армянам пришлось отвечать тем же. Так на исходе XX столетия возродился средневековый обычай — демонстрировать вызов правам человека.

Война есть война, и благодушнее было бы думать, будто в ее суровых условиях возможно содержать заложников в неукоснительном соответствии с этими правами. Но максимум возможного, чтобы это не стало унижительным, армяне сделали. Живут заложники под охраной, но только наружной. Не скучно и не в грязи — палаты просторны, чисты. Спят на свежем постельном белье. Получают нормированное, но гарантированное трехразовое питание. Увидев на руках одной из азербайджанок грудного младенца — как выяснилось, четырех месяцев от роду, родился здесь, в вынужденном заточении, — спросили ее мимоходом: кормите грудью? Нет, ответила она, дают молоко. Заметьте: степанакертским детям дефицитного молока не достается, многие и вкуса его не знают...

Все заложники из двух сел — Кильсями Кельбаджарского района и Горазылы Физулинского. Первые взяты в начале апреля, вторые — три недели назад. Женщины, дети. И один мужчина. Раненный. Гулиев Бахтияр Магомет-оглы.

— Люди измучены, устали от войны. Хотят, чтоб скорей прекратилась. Не нужна она никому. Вернусь домой — тоже буду выступать против войны.

— Ну, а вы воевать хотите? — спрашиваю двух подростков: Ровшана Нухиева (он тут с матерью Раисой Нухиевой) и Мушвига Алиева (сирота, родственники живут в Баку, но адреса не знает).

— Нет, — отвечают в два голоса.

— А если прикажут?

— Все равно не будем...

Вопрос ко всем: есть ли жалобы? Ни у кого.

— А как вы думаете, с армянскими заложниками в Азербайджане обходятся так же?

— Конечно!

Если бы. Вспоминаются прошлогодние слушания в Верховном Совете России на комиссии по правам человека под председательством Сергея Ковалева. Свидетельствовали армянские заложники. Рассказывали, как их пытали. Избивали. Прожигали тело сигаретами. И даже скальпировали. У кого-то из нас оказался на руках английский журнал. В нем фото: изможденная, высохшая от голода заложница-армянка. Даем поглядеть. Молча. Спрашивать не о чем.

На что надеются эти люди? На то, что правительство Азербайджана “вспомнит о своем народе”. Думали, что президент Эльчибей остановит войну. Теперь верят в Гейдара Алиева: неужели и он оставит в беде? Но три недели. А тем более четыре месяца — срок достаточный,

чтобы прийти на помощь. Я не сказал им этого, но про себя подумал: несчастные люди, которых предали...

Вторая встреча — в тюрьме. С заключенными Анатолием Чистяковым и Юрисом Биличенко. Летчиками-наемниками, бомбившими Степанакерт и села Нагорного Карабаха. Одного сбили после 30 вылетов, другого после четырех. “Тот, кто меня сбил, выполнил свою работу на отлично”, — считает Чистяков. Но это мы услышим чуть позже, после того, как спросим: согласны ли они на беседу с нами? Оба согласны и готовы отвечать на любые вопросы. Вскоре, правда, окажется: не на любые.

Для начала — справки биографические.

Чистяков Анатолий Георгиевич, 1955 года рождения, майор запаса. Окончил Карасинское летное училище, воевал в Афганистане. Женат, двое детей. Семья проживает в Латвии. В азербайджанскую армию нанялся в сентябре 1992 года.

Биличенко Юрий Викторович, 1966 года рождения. Родился в Полтавской области, учился в Армавире. Родные остались на Полтавщине.

- Что побудило стать наемником?

А. Чистяков:

- Чисто меркантильные соображения.

Ю. Биличенко:

- Нужны были деньги.

- На что?

- На этот вопрос я бы не хотел отвечать.

- На каких условиях вас наняли?

А. Чистяков:

- Пять тысяч долларов в месяц. Условия выполнены.

- Как проходил найм?

- Еще в Прибалтике разговорился со знакомым парнем-азербайджанцем. Он сказал, что Азербайджану нужны летчики. Через него связался с кем надо.

- Вы знали, что сбрасываете бомбы на мирное население?

- Я бомбил боевые посты.

- Если это и так, — они же рядом с селами! И вообще карабахский “пятак” населен так плотно, что здесь все рядом.

- Мне этого не объясняли, и сам я об этом тоже не задумывался.

Ю. Биличенко:

- В училище нам внушали: умеете убивать. Не убьешь ты — убьют тебя. В войне побеждает сильнейший. Меня сбили только потому, что я расслабился.

- Значит, вы вершили правое дело?

А. Чистяков:

- Справедливая эта война или не справедливая, кто в ней прав, а кто виноват — мне в голову не приходило...

Не утаю: оба вызывали во мне сострадание. Не как убийцы, преступники. Как люди, сложившие свою жизнь, погубившие себя за тридцать сребренников. Ничто не меняется от того, что счет сребренникам шел на тысячи долларов.

За убийства же надлежит отвечать строго по закону. Закон не должен дремать там, где совершаются преступления против человечности. Как знать, призови в свое время справедливый суд к заслуженному ответу виновных в сумгаитской, кировобадской, бакинской резне, — может, и этим наймитам не пришлось бы летать в ослепительно голубом карабахском небе со смертоносным грузом.

Да воздастся каждому по делам его...

5.

Иногда доводится слышать или читать: настала пора пересмотреть якобы устаревшее понятие агрессии. Горький опыт мировой истории неопровержимо учит: пересматривать это понятие, все и вся переворачивая с ног на голову, норовят тогда, когда хотят обелить агрессора и очернить жертву. Как Молотов, в угоду сталинско-гитлеровскому сговору о разделе Европы ширинично назвавший агрессором не Германию, а Англию...

Возвращаясь из Нагорно-Карабахской Республики в Ереван, остановились на день в Кафане. Исконно армянском 50-тысячном городе на самой границе Республики. В октябре-ноябре прошлого года он подвергался особенно ожесточенным обстрелам. Случались дни, когда на город падало до тысячи снарядов. Один из них разорвался в очереди за хлебом. 28 человек было убито на месте. Прямыми попаданиями в жилые дома разрушено более 500 квартир. Ни одного уцелевшего дома не сохранилось в близлежащем селе Давид-Бег. Жителей пришлось эвакуировать. Так еще одно крепкое, богатое хозяйство пришло в разорение и упадок: запущены уникальные табачные плантации, огороды, животноводческий комплекс — из тысячи голов скота осталось всего 200. Будем ли наивно удивляться тому, что в районе нет мяса?

- Вот уже более месяца обстрелов не было, — радовались наши кафанские собеседники. Радость оказалась преждевременной. Город снова обстреляли день спустя.

Так кто же агрессор?

Говорят, все равно Армения. Хотя сама в войне не участвует, а карабахским единоплеменникам помогает. И даже блокада, особенно тяжелая минувшей зимой, ей, мол, не в помеху...

Но что такое блокада независимого государства, если не необъявленная истребительская война против мирного населения? И коли блокированная Армения - агрессор, то кем выступает в таком случае Турция, которая усиленно помогает Азербайджану куда в больших масштабах? Как поставками оружия, причем бывшего советского, закупленного на 700 млн. долларов, так и советниками-генералами при экс-президенте Эльчибее.

Право же, есть о чем призадуматься, поразмышлять политикам, взявшим на себя ответственную роль представителей мирового сообщества. И выразителей мирового общественного мнения...

СТЕПАНАКЕРТ-ЕРЕВАН-МОСКВА
1993 год, июль-август

IV. 1994 ГОД, ЯНВАРЬ-МАРТ

(из зимних впечатлений с весенними комментариями)

* * *

... От коварных губ спаси меня, господи,
и от крови убереги,
и помилуй!

* * *

Море жизни моей сотрясает меня,
Волны бурные враг на меня нисыласт...
Добрый кормчий, будь защитой душе моей!

МЕСРОП МАШТОЦ, Шараканы.

Дневник - карабахский, но сначала о Ереване. Потому что поездка еще минувшим летом изначально задумывалась для того, чтобы российские писатели увидели собственными глазами, что значит для города блокадная зима, как он живет без света и тепла, на скудном, полуголодном пайке...

1. ОЙ, ЦВЕТЕТ КАЛИНА...

Заранее это не планировалось, но так вышло: из пяти участников поездки трое - Олег Шестинский, Илья Фояков и я - оказались ленинградскими блокадниками. Тем острее воспринимали мы ереванское житье-бытье, узнавая множество штрихов и деталей, осевших в памяти с детства.

Жизнь в городе замирает с сумерками, а в 5-6 вечера улицы, дома погружаются в сплошную, непроглядную темень. Освещены лишь больницы, имеющие автономное электроснабжение, и предприятия с круглосуточным режимом работы. В жилые дома электричество поступает поочередно по районам - минут 40, иногда до часа. За это время надо успеть если не сварить обед (было бы из чего!), то хоть вскипятить воду. До "нормально помыться" не доходит. Сушая беда с новорожденными. В родильных домах из-за нехватки пеленок их нередко приходится не-ленать в газеты, а в стылых квартирах на всю стирку те же считанные минуты, когда дают свет.

На пустынных улицах ни машин, ни прохожих. Редкие одиночки выдают себя лучиками карманных фонариков. Помните из дали военных лет: "Мой старый друг, фонарик мой, горит, горит, горит..."? Без него никуда и никак: ни нужного дома на улице не отыскать, ни квартиры в беспросветной тьме подъездов и лестниц.

В гостинице "Раздан", куда нас поселили, свет был: на многих этажах размещены зарубежные представительства. Но холоднога, как во всем городе: температура в номере падала ночью до плюс двух. Надо ли разяснять, с каким ощущением приходилось нырять в леданюю, даром что под тремя одеялами, постель, а утром выныривать на свет Божий?

- В чем ужас нашего каждодневного существования? - растолковывал знакомый писатель. - Не в пример прошлогодней, нынешняя зима обошлась без сильных морозов и, казалось, будто на улице даже теплее, чем дома или на службе. Ты намерзся за день, намерзнешься за ночь и знаешь, что не согреешься ни завтра, ни послезавтра. Так до самого лета. Но и летняя жара для тебя будет отравлена тягостным предощущением новой зимней стужы...

Блокадная обыденность: спички в Ереване продаются не коробками, а поштучно: в пересчете на российские деньги по 100 рублей каждая. Литр бензина - 20 тысяч рублей. Удивительно ли, что так мне и не довелось повидаться с давним другом Левом Мкртчяном? Он живет за городом, в селе Егвард. Всего-то километров 20, а каждый день даже ему, декану филологического факультета Ереванского университета, не наездиться.

Коли зашла речь о ценах, назову и другие в армянских драмах.

Их соотношение с российскими рублями: 1:14 - 70 драмов равны 1000 рублей. Так вот: одна свеча - резко возросший в цене дефицитный источник домашнего освещения - стоит 15 драмов. Литр керосина - 120 драмов. С учетом минимальной - 110 драмов - и средней - 250 драмов - заработной платы ереванец в состоянии приобрести от почти одного до двух с небольшим литров в месяц. Правда, при этом ему нечего будет готовить на керосинке, ибо в конце января килограмм мяса стоил 260 драмов, масла - от 350 до 500, сахара - 90, сыра - 350, колбасы - 450, десяток яиц - 100 драмов. О зубной пасте, туалетном мыле, бритвенных лезвиях, сигаретах, водке, коньяке и прочих роскошествах говорить не приходится: "не до жиру". Рыночная цена хлеба - 20-25 драмов за килограмм, магазинная - полдрама за 350-граммовую пайку. Так в самом Ереване. По республике в целом ежедневная норма хлеба - 250 граммов на человека. На остальные продукты по некоммерческим ценам бывают лишь редкие разовые талоны: государство пока что не в состоянии обеспечить карточки постоянным продовольственным покрытием. Это касается даже фруктов, которых в Армении всегда было навалом. Когда мы отправились в Нагорный Карабах, где-то на полпути между Ереваном и Горисом - в районной "глубинке" продукты чуть подешевле - я купил килограмм яблок за 500 рублей. Стало быть истратил треть минимальной зарплаты. Еще цифра: 100 драмов равны одному доллару. Следовательно, шкала минимальной и средней заработной платы в Армении от 1,1 до 2,5 доллара в месяц.

Таковы суровые лики блокады, в которой живет республика. Блокады энергетической, блокады транспортной. Железнодорожное сообщение Армении с Россией и миром перерезано, а на самолетах, да еще при хроническом отсутствии горючего, много не доставишь. Энергетика и транспорт - тугой узел накрепко стянутых проблем. Разрубить его поможет отчасти повторный ввод в строй остановленной АЭС, но на расконсервацию ее блоков уйдет еще немало времени: уроки Чернобыля вызывают к тщательным экологическим расчетам, предельной осторожности.

А что же туркменский газ, за который шлается 600 миллионов долларов? Только десятая часть его поступает в Армению, да и она то и дело перекрывается из-за частых аварий, взрывов газопровода на грузинской территории.

- Неужели никак невозможно предотвратить эти провокации? - сорвалось у меня на встрече с тогдашним президентом Армении Левоном Тер-Петросяном.

- А вам доводилось бывать в Марнеульском районе Грузии, где проходит газопровод? - спросил он. И развеял недоумение: там проживают 100 тысяч азербайджанцев.

Потом узналось: цифра официальная. На самом деле в Марнеули не 100, а 500 тысяч азербайджанцев. Невольно подумаешь: не "азербайджанизируют" ли они таким образом Грузию, погруженную в хаос междоусобиц? По крайней мере свои порядки на ее суверенной территории они уже устанавливают не только тогда, когда загода минируют подступы к газопроводу. Ремонтников, прибывших в Марнеули ликвидировать последствия январского взрыва, взяли в заложники всей бригадой. Поразительно: в российской прессе об этой очередной подлости не было ни слова...

- И все-таки я оптимист! - внушал нам премьер-министр Армении Грант Багратян.

Откуда, казалось бы, взялся оптимизму в таких-то бедственных, отчаянных условиях? В легкой промышленности, от которой в первую очередь зависит сейчас жизнеобеспечение населения, из 138 крупных предприятий одной только отрасли действует всего 38. Простаивают школы, фабрики. Не решены проблемы материально-технической поддержки послеколхозного сельского хозяйства. Лишь 14 из 198 ереванских школ обеспечены отоплением. В остальных занятия прекратились где с 21, где с 14 декабря...

И тем не менее политическая стабильность власти, полагал премьер-министр, в силах гарантировать стабильность экономическую. Не тому следует удивляться, что производство во многих отраслях остановлено, а тому, что промышленность Армении работает несмотря ни на что, и есть предприятия, которые действуют пусть на треть или на половину былой мощности, а некоторые и на полную мощность. Спад производства пока не преодолен, но тенденция к торможению спада наметилась: в 1993 году он ниже, чем в предыдущем, на 5-6 процентов. Благодаря жесткой финансовой политике удалось стабилизировать курс драма. В целом Армения сама обеспечивает свои производственные нужды: ввоз составляет всего 18 процентов. В скором будущем появится реальная возможность давать Еревану электричество в течение 4 часов ежедневно. Что же до неработающих школ, то приняты энергичные меры для того, чтобы учебный год возобновился в начале, в крайнем случае в середине февраля. (В конце месяца удалось выяснить: занятия действительно возобновились, но, увы, не во всех школах.)

- Да, положение крайне тяжелое. Война в Карабахе и новое азербайджанское наступление по всему фронту, начатое 16 декабря 1993 года, его еще больше осложнили. Мир нужен Армении, как нигде и никогда. Если б не война, мы справились бы и с блокадой... Да, рейтинг правительства падает, но есть и понимание, что никто другой наших трудностей не отменит. Оппозиция? Без нее не может быть демократии. Дело не в оппозиции правительству, а в недостаточно широком

разъяснении его политики, в малых, суженных блокадными условиями возможностях прямых выступлений перед народом. Но социального бунта в Армении не предвидится. И пути назад, к развитому или какому другому социализму, у нас тоже не будет..

Не могу удержаться от одного возражения уважаемому собеседнику. Не стоило бы, думается, списывать на блокаду недостаточные контакты правительства с населением, его слабую разъяснительную, пропагандистскую работу. Иначе как не вспомнить: А. А. Жданов, ни разу за всю войну не покинувший бункер в Смольном, видел в этом не свою оторванность от народа, а, напротив, непреклонность большевика, неукоснительно верного сталинскому стилю партийного руководства. Такие ли исторические аналогии желательны демократам в правительстве Армении?

Это и вираям так: чтобы хоть как-то облегчить жизнь людей, сделать ее при минимуме возможностей чуть более сносной, в Армении прилагают немало усилий. Одно из подтверждений тому - деятельность Комитета по делам беженцев, возглавляемого В. М. Мовсесяном, к слову напомнить, одним из последних секретарей ЦК республиканской компартии.

- Беженцы всегда сопутствовали истории армянского народа, - начал он беседу. - Моя родители из Карса, они тоже были беженцами...

Первые беженцы конца 80-х - начала 90-х годов пришли в Армению из Сумганга, после кровавых погромов в феврале 1988 года. 16 тысяч армян-сумгантцев было обустроено тогда в республике в течение 6 месяцев. Последний поток - дай Бог, если последний! - хлынул в прошлом году из Мардакертского района Нагорно-Карабахской Республики. Сразу после сумгантской трагедии была создана комиссия Верховного Совета Армении по делам беженцев. В декабре 1991 года ее преобразовали в Государственный комитет, действующий в структуре правительства на правах министерства. В его ведении - прием, размещение, расселение, социальное обеспечение беженцев.

Для трехмиллионной Армении принять 400 тысяч беженцев - значит увеличить население на 12 процентов. Задача не из легких. Особенно, если учесть масштабы жилищного кризиса. 30 процентов населения, в том числе 514 тысяч, проживающих в зоне землетрясения, 72 тысячи из районов, пограничных с Азербайджаном, 150 тысяч очередников, ждвших очереди задолго до всех событий, жилья вообще не имеют. Как, где, куда селить людей, изгнанных из Азербайджана, оставивших там 92 тысячи домов и квартир?

Всего из Азербайджана обречено было бежать 360 тысяч армян. Из них 100 тысяч находятся сейчас в России и за рубежом, 260 тысяч остались в самой Армении. 174 тысячи предоставлены пансионаты, бывшие школы, детские сады. А остальным 86 тысячам?

Так что проблема беженцев - прежде всего проблема жилья. Но вслед за жилищной не менее остро встает проблема занятости. Из Нагорного Карабаха (57 тысяч беженцев, 31 тысяча затем вернулась назад), Шаумяновского района (17 тысяч), Абхазии (6 тысяч) уезжали крестьяне, оставляя в родных селах дома, хозяйство, нажитое добро. Без ничего, оседая в городе, они становились горожанами. Ни одного рубля компенсации за этот раздор армянские беженцы от Азербайджана не получили, в то время как Армения на обустройство 167 тысяч азербайджанских беженцев выплатила 70 миллионов рублей.

Третья главная проблема, которой занят Комитет, - социальная защита беженцев, живущих даже не на черте бедности, а на дне нищеты. Отсюда высокая смертность - 27 человек за три январских дня, предшествовавших нашей встрече в Комитете. И частые случаи самоубийств: к ним ведут и душевные травмы, оставленные пережитым, и страх перед будущим, и отсутствие гарантий, способных укрепить надежду на перемены к лучшему.

Закон о статусе беженцев в Армении пока что не принят. Но разработан проект закона, наделяющего их всеми правами, какими обладает коренное население. В соответствии с этим престарелым выплачиваются пенсии, детям и безработным - пособия, причем не из каких-либо общественных фондов, а непосредственно из госбюджета. Принято решение компенсировать с учетом индексации денежные вклады, оставленные на сберкнижках по прежнему месту жительства. Заявлений на компенсацию подано 43 тысячи.

170 тысяч беженцев получили в прошлом году гуманитарную помощь от международных организаций, обществ, движений, в том числе от ООН, Красного Креста.

- Но я против постоянной зарубежной помощи, - решительно заявляет Владимир Миранович. - В настоящее время в мире насчитывается 20 миллионов беженцев, и никаким, даже сверхсостоятельным международным организациям обеспечить их не под силу. Да и в принципе невозможно содержать нацию за счет благотворительной помощи. На всех крутых перенутьях истории, на всех пиках своей трагической судьбы армянский народ находил спасение не в благодеяниях со стороны, а в собственной мудрости и трудолюбии. Будет разблокирована республика, преодолее экономика нынешнее коматозное состояние - решатся и проблемы беженцев, откроется для них выход: работать! Но для этого надо прекратить войну, сесть за стол переговоров и начать их с конструктивных поисков политического урегулирования, а не с взаимных обвинений, как происходит до сих пор. Ведь обвинений набралось так много, что, кажется, и не осталось уже места для замирения. Но оно жизненно

необходимо обеим сторонам. Пусть не будет между ними любви, но должно быть терпение. И кому, как не политикам, проявить его? Если политики найдут общий язык, придут к согласию, то народы тем более договорятся...

В канун нашей встречи В.М. Мовсесян принял в Комитете 274 человека. Каждый шел к нему со своей бедой, со своей болью.

Бедя и боль встретили на пороге пансионата, одного из тех, где размещены беженцы из Баку. Директор, сам бывший бакинец, Владимир Петросян, которого все зовут просто Володей, ведет по комнатам. В каждой - душераздирающие рассказы, от записей которых распухает журналистский блокнот.

Кларик Кароян. Родилась и всю жизнь прожила в Баку. С соседями-азербайджанцами жила в мире и дружбе, они-то и помогли уехать. А уехали после того, как услышала по телевидению угрожающее заявление Народного фронта: армяне не должны оставаться в Баку, иначе пусть пеняют на себя.

Мэри Загосроян, в недавнем прошлом старший инспектор в республиканском Госплане. Ее мать 1912 года рождения на всю жизнь запомнила армянские погромы в Баку 1917-1918 гг. Ужас, неизгладимый в памяти матери, дочь пережила 13 января 1990 года, когда в ее квартиру ворвались боевики Народного фронта, избивли, в один миг лишили всего, что наживалось десятилетиями. Так каждое поколение в ее семье пострадало от геноцида: и жизнь матери, и жизнь дочери оказались одинаково незащищенными.

Аника Огсян. В пансионат поступила с мозговой травмой. Когда выгоняли из дома, били, угрожали пожом, пригласившим к горлу.

Русская женщина, для всех в пансионате ставшая "тетей Таней".

- А вы почему здесь? - удивился я.

Объяснила: покойный муж армянин. Этого было достаточно, чтобы азербайджанские фанатики из ближайших соседей и ее выдворили из дома. Как видим, соседи в Баку соседям рознь.

В "инородцы", "неверные" зачислили бакинские громилы и азербайджанку Софу Аскерову. Еще бы: ослушалась, не отреклась от мужа-армянина. Он инвалид, живет с нею в пансионате.

- Если б я отпустила его одного, а сама осталась в Баку, - меня все равно убили бы...

Всего пять блокнотных записей из полутора-двух десятков. А в пансионате обитают 200 человек, по преимуществу пенсионеры, престарелые. Вот бы выслушать да записать каждого, включив его невыдуманный рассказ в "белую книгу", которую наверняка составят и издадут в будущем как непререкаемое документальное свидетельство общенародной трагедии геноцида!

Прежде чем распрощаться, обитатели пансионата упростили задержаться в вестибюле еще на полчаса: решили проводить нас самодеятельным концертом. Исполнителей набралось человек десять. Пели хором. И первой песней прозвучала давняя, которую наши пожилые собеседницы вынесли из той поры, когда были юными невестами и молодыми женами: "Ой цветет калина в поле у ручья...". Не скрою: они пели, а я никак не мог проглотить комоч, подступивший к горлу. Впрочем, как легко было заметить, не я один...

Мотив "Калины" как бы озвучивал и многие последующие встречи. Какими бы тяжкими они ни были, какой бы горький след ни оставляли бы, живое общение с пострадавшими людьми непременно несло и какое-то душевное просветление, взаимно обостренное неестественным, открытым чувством сопереживания.

Так было, например, в ортопедическом центре - НИИ травматологии, руководимом Вачаганом Айвазяном, который совмещает административные обязанности директора, научную работу ученого, практику ведущего хирурга. Един в трех лицах, он координирует три направления деятельности института: научное, методическое, лечебное. Институт участвует в международных конференциях медиков, включая недавний съезд травматологов СНГ. Оказывает помощь перегруженным карабахским госпиталям, налаживая в них систему лечения раненых. И, располагая 250 стационарными местами, новейшей хирургической аппаратурой, современным медицинским оборудованием, дефицитными медикаментами, лекарствами, лечит сам. В первый же месяц азербайджанского наступления в Карабахе институт принял 47 человек с тяжелыми огнестрельными ранениями. Возле палаты, где лежали бойцы после ампутации обеих ног, нас встретила Сью Манкинтайер, врач из США, координатор физиотерапевтов в Международном центре Красного Креста:

- Мне тоже есть что сказать журналистам!

Ее нынешнее пребывание в институте - треть за полтора года. Каждое потрясало страданиями людей, тяжелыми условиями жизни. И смелостью, мужеством, какое они проявляют не только в боях, но и здесь, на больничных койках. Готовы все вынести, лишь бы поскорее вернуться к делу, включиться в работу. Неистребимая воля к жизни - первооснова их характеров. Восхищена она и энтузиазмом врачей, без шумного пафоса и громких лозунгов исполняющих профессиональный долг. И для раненых карабахских бойцов, и для медицинского персонала института нескопчемая война - большая трагедия. Неужели невозможно остановить ее?..

Вопрос вопросов. Главный, ведущий мотив всех без исключения встреч и бесед. Начиная с первой, в Эчмиадзине, и а приеме у католикоса всех армян Вазгена I, и кончая последней, в Верховном Совете Рес-

публики Армения, где собрались представители творческой интеллигенции. Эти встречи как бы обрамляли наше пребывание в Ереване.

Слушая католикоса, вчитываясь затем в беглые записи беседы, вспоминая наши вопросы и его ответы, я не переставал думать о том, как долгий век переплавляется в долгую память.

Католикос начал беседу с благодарности русской интеллигенции, которая страдает трагедии Карабаха, чье коренное население десятилетиями, включая советский период, подвергалось лишениям и обрекалось на изгнание. Такова была политика геноцида, иногда явно, но чаще скрытно проводимая бакинскими властями.

В 1957 году он посетил Гандзасарский монастырь, а по пути туда побывал в Степанакерте и Шуше. Армяне составляли тогда 92 процента населения Нагорного Карабаха. В 60-80-е годы усилиями партийного руководства Азербайджана и особенно в первосекретарскую бытность Гейдара Алиева этот процент снизили до 65.

Тогда, 35 лет назад, более всего потрясла Шуша. На памяти католикоса - пожар города, спровоцированный по указке Баку в 1918 году.

В 1957-м впечатление было такое, будто пожар потушили только на днях. Мертвый город-развалина, где, по существу, никто не проживал. Затем Шушу заселяли насильственно азербайджанцами.

В том же 1957 году наш собеседник посетил Баку, встретился с тогдашним председателем Верховного Совета Азербайджана, писателем Мирзой Ибрагимовым. Просил его согласия открыть в Нагорном Карабахе армянскую церковь. Хотя бы одну. Ведь до 20-х годов на карабахской территории действовали 18 монастырей и 105 церквей. Все они потом были закрыты, а епископ арестован. Ответ от Мирзы Ибрагимова пришел через два месяца. Отказ...

Вот вам и райская идиллия, которую не устают красочно малевать безголосые певцы нерушимой братской дружбы азербайджанского и армянского народов, якобы процветавшей в былые времена на земле Нагорного Карабаха. Исконно армянской земле, где на самом деле в силу имперской, сначала сталинской, потом брежневской национальной политики не было ни добрососедского согласия между народами, ни мира и покоя для коренного населения. Была ширма парадного благополучия, державшаяся силой и скрывавшая политическое и экономическое, социальное и духовное угнетение. Стоило ослабнуть силе - и ширма рухнула, тлеющие угли польхнули жарким пламенем.

На всей карабахской территории, продолжал католикос, множество армянских культурных центров: наличие их не оставляет сомнений, кому истари принадлежала эта земля, кто ее возделывал,

обихаживал, обустроивал. Среди архитектурных шедевров - Гандзасар, построенный в 1236 году: синтез древнего зодчества...

В этот момент мне вспомнился уникальный альбом "Ангел Арцах" (М., "Лингвист", 1992), посвященный памятникам армянского искусства в Нагорном Карабахе. Составитель Борис Баратов повествует, в частности, о недавнем посещении древнейшего монастыря Гтич, ровесника Гандзасара. Его соборная церковь встретила шрамами и шербинами, сломанным крестом и обрушенным порталом. У входа, поперек тропы, лежал огромный плоский камень - выломанный из стены хачкар. Перевернув его, путники поразились величию духа, запечатленного в каменной резьбе: чья-то душа "говорила с нами сквозь толщу веков и событий, говорила о красоте мира и чуде человеческого бытия". Когда уходили, старый пастух попросил снова перевернуть хачкар: пусть лежит, как лежал - лицевой стороной в землю. Не то возвратятся современные вандалы с ломом да кирками и расколот его. Как раскололи другие хачкары. Откуда этот вандализм, который автор уместно называет еще одним Сумгантом - "над красотой и культурой"? Не оттого ли, что красота не своя, а уважать "чужую" не обучены?..

- С началом перестройки карабахские армяне восприняли духом. Лозунг независимости, провозглашенный нагорно-карабахским областным и степанакертским городским Советами был мирным: ни единого высказывания, оскорбительного для Азербайджана, азербайджанского народа на сессиях не прозвучало. Оно положило начало огромной трагедии, которую мы переживаем и по сей день. Моя душа болит за все жертвы с обеих сторон. Зря проливается человеческая кровь. Всем сердцем желаю, чтобы огонь был прекращен и нейден, наконец, выход на основе справедливости и изъявления свободной воли народов...

Олег Шестинский, чьи родственники изгнаны из армянского села Бист, расположенного высоко в горах над Нахичеванью:

- Делается ли что-нибудь, чтобы сохранить хотя бы останки армянских памятников в бывшей нахичеванской автономии?

Католикос:

- Все попытки переговоров на эту тему сорваны азербайджанской стороной. Ее аргументы: армяне на нахичеванской территории никогда не проживали. Но если это так, то против кого устраивались погромы в 1917-1918 годах? Не азербайджанцы же громили азербайджанцев...

Вопрос:

- Возможны ли диалоги духовников Армении и Азербайджана, рассчитанные на взаимопонимание?

Ответ:

- Они не прекращались, и армянская сторона идет на них с открытым сердцем, без камня за пазухой.

В Верховном Совете, как и всюду в Ереване, было холодно. Сидели в пальто, но холод не помешал разговору, по которому равно истосковались и русские и армянские писатели. Среди хозяев были Сильва Капутикян, Маро Маркрян, Геворг Эмин, Вардгес Петросян, Меружан Тер-Гулалян, Сагател Арутюнян. Пришли мастера других искусств, ученые, общественные деятели, журналисты.

Накануне встречи Грант Матевосян допытывался: помню ли, где и когда мы познакомились? Еще бы не помнить! В Баку, в доме Анара, когда был еще жив его отец Расул Рза... Знать бы тогда с какими драматичными коллизиями столкнет жизнь, как круто изменится сама и изменит нас!

Но никакие губительные перемены не должны препятствовать духовному единению культур. Из всех пространств: политического, экономического, информационного и - какого там еще? - вплоть до спортивного, пространство культурное самое необходимое, жизненно насущное. Воплощение и выражение национального духа, культура не может существовать и развиваться сколь-либо плодотворно в замкнутых границах "своего" надела, без духовного общения с культурами других народов. Тем более армянская и русская культуры, чьи традиции взаимного тяготения, притяжения друг к другу уходят вглубь истории. Валерий Брюсов и Ованес Туманян, Анна Ахматова и Аветик Исаакян, Осип Мандельштам и Египсе Чаренц, Василий Гроссман и Паруйр Севак, Андрей Битов и Грант Матевосян - нескончаем перечень достойных имен, символизирующих нерасторжимость русско-армянских культурных, литературных связей. Но сегодня мы утрачиваем их, терпим обоюдный урон и от развала книгоиздательского дела, и от сужения переводческой работы... Обо всем этом - не только о тяготах блокады, бедствиях войны - и шла речь на встрече. Спустя пару часов ту же российско-армянскую тему, но на ином - политическом - витке спирали развил Президент Армении, поддержавший идею духовного взаимообмена культур. Все, что происходит в России, рассуждал он, обязательно отзывается в Армении. Стабильная, сильная демократическая Россия - самый надежный гарант ее спокойствия и благополучия.

Без посредничества России невозможно решить и карабахские проблемы. Планы их решения, предложенные СБСЕ и Россией, исходят из общего требования: возврат Агдама, Физули, Кельбаджара, занятых армией НКР. Но существенное различие в том, что российский план предусматривает необходимость четких и ясных гарантий невозобновления военных действий...

Прервав ход разговора, сошлюсь на предыдущий "Карабахский дневник", написанный после проплодной летней поездки. Тогда, в ночь, я с ближайшей высоты рассматривал в бинокль уже окруженный,

но еще не взятый Агдам, наверняка зная, что близок тот день, когда город падет. Агрессия? Оккупация? Ничего похожего. Карабахская народно-освободительная армия брала не город, а огневую точку, с которой дальнобойные орудия систематически обстреливали едва ли не всю территорию НКР. Боевой рубеж, вплотную нависший над ее границами. Плацдарм новых и новых наступлений, в случае удачи которых азербайджанские танки дошли бы до Степанакерта за пару часов. То же Кельбаджар или Физули. И особенно - Лачин. Не взять его - значило бы добровольно затянуть на шею петлю собственными руками. Ведь лачинский коридор, тонкой нитью связующий Нагорный Карабах с Арменией, как в войну Отечественную ладожская дорога жизни для блокадного Ленинграда...

В том летнем дневнике я приводил заявление председателя Верховного Совета НКР Карена Бабуряна: Нагорно-Карабахская Республика "не имеет никаких территориальных претензий к Азербайджану" и при соответствующих твердых гарантиях своей безопасности готова вывести все вооруженные формирования из всех азербайджанских районов, которые взяты как укрепленные районы единственно в интересах самообороны, предотвращения новых наступлений.

Эта позиция НКР осталась неизменной и зимой нынешнего года. Как, впрочем, и твердолобая позиция Азербайджана, предпринявшего зимнее наступление по всему фронту под распаленными лозунгами возвращения своих территорий без каких-либо предварительных гарантий и обязательств. Помимо всего, обратим внимание на нелогичность: обвиняя НКР в захвате территорий, принадлежавших Азербайджану, бакинские политики и военачальники тем самым как бы признают Нагорный Карабах неазербайджанским. Но как в таком случае совместить с этим и по сей день не дезавуированное решение Верховного Совета Азербайджана, лишившее Нагорный Карабах даже купего статуса областной автономии? В том же ряду - скоропалительное намерение Гейдара Алиева въехать на танке в Степанакерт не позднее 15 января, то есть спустя месяц после начала наступления. Так чья же, наконец, эта земля? И если, как полагают бакинские "ястребы", азербайджанская, то куда, спрашивается, выводить НКР свою армию?..

Левон Тер-Петросян:

— Россия с трудом избавляется от былых имперских амбиций, и Карабах расплачивается за ее уступки Азербайджану. Позиция России, похоже, такова: пусть азербайджанское наступление закончится вничью, и, если Карабаху удастся выстоять, она будет корректировать дальнейший процесс. А если Карабах падет? Тогда и от Армении ничего не останется. Исламский фундаментализм, пантюркизм грозят ей страшными последствиями. Отвечает ли это российским интересам, особенно, если учесть,

что в Карабахе им противостоят интересы Турции, Ирана, США? Убежден: самое выгодное сейчас - не искать никаких кардинальных решений, вплоть до статуса НКР, снятого с повестки дня. Будем довольствоваться временным - взаимным прекращением огня. При соответствующих гарантиях мир лучше войны, тем более такой разрушительной, как эта, по интенсивности расходов оружия и горючего. Не будь ее, та же блокада переживалась бы в Армении куда легче. Прекратив огонь, можно искать политического согласия сторон. И на этом втором этапе решать отложенные "на потом" вопросы Лачина или Кельбаджара. На первом же - только прекращение огня и ничего больше...

Позиция Президента Армении и руководства НКР в лице председателя Государственного комитета обороны Роберта Кочаряна, его заместителя Жирайра Погосяна, председателя Верховного Совета Карена Бабуряна совпадали отнюдь не во всех деталях. Но при расхождениях в нюансах сходились в главном: даже первостепенной важности вопрос о статусе Нагорного Карабаха допустимо отложить до мирных переговоров, в которых НКР впрямую участвовала бы на правах субъекта и на равных с Арменией, Азербайджаном, Россией. Самое же неотложное - положить конец изнурительной шестилетней войне, сбросить ее бремя...

Принципиальная договоренность о гарантированном прекращении огня, достигнутая в ходе российско-армянских, российско-азербайджанских, российско-карабахских переговоров, которые интенсивно велись в январе-феврале, должна была вступить в силу 1 марта. В ноль часов надлежало прекратить огонь, а с 10 утра начать при посредничестве российской армии разведение вооруженных формирований противоборствующих сторон. Однако, как стало известно уже на следующий день, развести нагорно-карабахскую и азербайджанскую армии не удалось: взаимное недоверие сторон и силовой диктат последней сорвали договоренность. Не удалось и повсеместное прекращение огня: азербайджанская армия то и дело возобновляла его на отдельных участках 150-километрового фронта. Так продолжается и в середине марта, когда, завершив этот дневник, я дополняю и корректирую свои зимние впечатления весенними комментариями...

2. НЕФТЬ ИЛИ ДУША?

Прошлым летом я видел Лачин сверху - с высоты вертолета. На этот раз ехали машиной. До Лачина добрались в сумерки. На всем протяжении мертвого города - сплошь пустые коробки обугленных, разрушенных домов. Ни елищей живой души, ни одного огонька.

Забегая на пару дней вперед, скажу: такой же мертвый, пустой город - Агдам. Свидетельствую как очевидец, пересекший его из конца в конец: сообщения азербайджанской печати, радио, телевидения, будто "армянские захватчики" колонизируют оккупированные ими территории - неуклюжая ложь, скроенная по циничному геббельсовскому рецепту: вря без зазрения совести - авось, что-то да оседет в сознании тех, кто внимают лжи. Увы, осело и в случае с Агдамом: рассказы коренных жителей о разбое, грабежах, насилиях, каким якобы подвергались они после взятия города армией НКР, проникли даже на полосы "Известий". Читаешь и недоумеваешь: откуда взялись вдруг многочисленные свидетели "карабахских зверств", если все, поголовно, без исключений все население Агдама было вывезено задолго до того, как азербайджанские части оставили город? Но допусти то, чего нет в действительности: кому-то все же удалось ускользнуть от массовой и обязательной эвакуации, остаться сначала в осажденном, а затем сдавшем городе как раз для того, чтобы самому испытать "ужасы эвакуации" и красочней живописать их впоследствии газетным корреспондентам. Все равно неуязва: каким таким непостижимым образом они оказались в Баку, где и записывались задним числом их показания?

Ни один армянин не проживает сегодня ни в Агдаме, ни в Кельбаджаре, ни в любом другом населенном пункте, занятом армией НКР. Утверждать обратное - значит раздувать пропагандистский блеф, шитый белыми нитками, которые с треском лопаются при элементарной проверке. Такое случалось в поездке, если не каждый час, то по нескольку раз на дню.

Так, один из блефов рухнул в Шуше, крайне остро испытывающий нехватку рабочих рук. (В городе проживают сейчас 3200 жителей, в Шушинском районе - 51000.) Обезлюдевшая Шуша восстанавливается как круший промышленный (конденсаторный завод, радиозавод), культурный, духовный (вплоть до того, что для реставрации персидской мечети, пострадавшей, как и армянский храм, при обстрелах и штурме города, решено пригласить иранских специалистов), а также лечебный (целебные минеральные воды) центр. Повод добавить: широкий фронт восстановительных работ - новь, характерная не только для Шуши, но для всего Нагорного Карабаха, где даже в экстремальных условиях зимнего азербайджанского наступления не остановились ни одно предприятие, ни одна школа или больница. Начало его Степанакерт встретил массовым субботником по расчистке города, восстановившего 90 процентов жилого фонда. По всей республике восстанавливается местная промышленность, наращивающая свои производственные мощности. Поднялось из руин село Вагуас, о варварском уничтожении которого, включая вандализм на сельском кладбище, я рассказывал в прошлогоднем дневнике.

Но вернемся в Шушу. Предложение посетить тюрьму и побеседовать с заключенными там военнопленными поступило в ответ на наши расспросы об участии на азербайджанской стороне русских, украинских и прочих наемников. Ведь пылкие уверения, будто никакие "третьи лица" в азербайджанской армии не числятся, исходят не от каких-нибудь подмастерьев газетного вранья, а от самого Гейдара Алиева, недалеко, видать, ушедшего и от предшественников по президентскому трону, будь то Муталибов или Эльчибей, и от такого искусственного дезинформатора общественного мнения, каким слыл и был покойный Виктор Поляничко. От их коллективно саморекламного пропагандистского бума шушинская тюрьма не оставляет легкого облачка. Всего несколько записей в блокноте:

Геннадий Кутарев. Русский, из Тюменской области. Говорит, что бомж, хотя речь, натужливо стилизуемая под прибалтийский жаргон, выдает человека не бродяжьего склада. Мотался будто бы по градам-весям, попал в Баку, ночевал на вокзале, там и взят в марте прошлого года. Как взят? Элементарно. Подошел азербайджанец-сержант, предложил записаться в армию, соблазнив вознаграждением в 10-15 тысяч рублей. Характерная - и ужасающая - деталь из следственного дела: в плен его взяли пьяным - в стельку. Когда брали, не сразу сообразил, где он, кто и что с ним. Думая, что свои, лыка не вязал: куда? за что? разве я норму не выполнил? "Трех армян прикончил"...

Олег Пилипенко. Из Владивостока. Матрос торгового флота. В Баку приехал в мае прошлого года по просьбе друга - Сабита Сафарова, радиста на судне "Россия". Друг уговорил съездить, чтобы вывезти из Азербайджана его отца.

— Почему сам не поехал за родным отцом?

— Боялся, что заберут в армию.

Сразу по приезде был арестован милицией на бакинском вокзале как "армянский разведчик". В армию отправлен насильно под начало командира-спецназовца, неоднократно судимого уголовника. Поняв, что влип в нечистую историю, хотел бежать, но вырваться не было никакой возможности: даже переписку не разрешили. О бегстве помышлял не он один - больше половины солдат, согнанных в часть: их, как и его, тяготили беспробудное пьянство, наркомания, мародерство...

Как разобраться, где в обоих рассказах правда, а где отработанная легенда? Из Шуши во Владивосток не позвонишь и радиста с "России" к телефону не вызовешь. Но если предположить, что ни тот, ни другой ничего не придумали, себя обеляя, то не вопиют ли их истории о том, что армия, вербуемая солдатское пополнение таким разбойным путем и культивирующая такие бесчеловечные порядки, вершит заведомо несправое, черное дело? Алтинародное по отношению к собственному народу?...

Алиля Юмах, гражданин Турции, 35 лет. У себя на родине торговал на базаре. Знакомый азербайджанец пригласил в Баку: торговля, мол, там выгоднее. Границу перешли в районе Нахичевани, а дальше до Баку - самолетом. Торговал на бакинском базаре месяца три, пока милиция не схватила. Из милиции - напрямик в армию. Встречал ли других соотечественников на азербайджанской службе? Бывало... Считает ли армян врагами? "Все люди - братья!". Самое большое желание? Вернуться домой подобра-поздорову и тихо-мирно продавать на родном базаре азербайджанские сувениры...

Гаджиев Эльфат Камил-оглы. Азербайджанец, 1975 года рождения. В армии по мобилизации. Обучение проходил у русских офицеров. В мае прибыл в Агдам. Бежал, потому что не мог выдержать жутких условий жизни на войне. Поймали. Вернули в штрафной батальон. Плен воспринимает как спасение...

Рустамов Азет Раджиб-оглы. 1970 года рождения. Бежал от войны в Россию, работал в Самаре. Домой приехал всего на две недели - и тут же мобилизовали. В армии с ноября прошлого года, в плену - с первых дней января. Участвовал в боевой операции, в задачу которой входило, перекрыв дорогу в Мартушинском районе, обеспечить подход танков. (Назавтра мы проедем по ней и остановимся на месте боя.) Обещанное вознаграждение - 41 тысяча рублей. Операция не удалась. В бою был ранен, контужен. Когда обучался в Баку, встречал там русских - солдат, но чаще офицеров. Видел афганских моджахедов. А вот негров, о которых в Азербайджане слухи, будто воюют на стороне армян, ни в бою, ни в плену видеть не доводилось...

— Лес без шакалов не бывает! — это в ответ на вопрос, чью сторону, на его взгляд, поддерживает Россия и как он воспринимает присутствие русских солдат и офицеров в азербайджанской армии...

Афганских моджахедов среди заключенных ни в шушинской, ни в степакаертской тюрьмах не оказалось. Тому есть объяснение. При наступлении они идут не в первой, а во второй линии - с минометами и гранатометами. Или, того безопаснее, в заградотрядах: "дисциплинирующую" их пользу Гейдар Алиев знает профессионально - если не по Отечественной войне, от которой хитроумно укрылся (откупился?) в Нахичевани, то по давней должности председателя республиканского КГБ. Однако трофейные документы, с которыми нас познакомили в Государственном управлении национальной безопасности (ГУНБ), сомнений не оставляют: в зимнем наступлении Азербайджана афганские моджахеды сыграли одну из ведущих ролей, как бы энергично ни отрекались от этого ни нынешний президент, ни его министр обороны М.Мамедов. "Сейчас, - заявил он, даже не потупив от неловкости ясны

очи долу, - в составе национальной армии нет ни одного гражданина иностранного государства”.

Комментирует заместитель Управления Юрий Григорян:

— Моджахеды принципиально не надевают азербайджанскую форму, носят свою национальную одежду, подчеркивая этим, что воюют исключительно по убеждению - за идеи ислама. Мало того, что карабахский конфликт таким образом интернационализируется, - на него накладываемся ответ войны религиозной. Это выгодно Азербайджану, но неприемлемо для НКР: для нас война - национально-освободительная...

Вскоре ставшего университетом

В связи с гибелью В. Поляничко “Правда” (24 августа 1993 г.) поместила коллективное - с двумя десятками подписей - письмо депутатов и работников Верховного Совета РФ, писателей, военных-“афганцев”, ученых, артистов, полагающих, будто “лицензия на убийство - была выдана “демократическими” публицистами”. Среди “писак”, названных “подлинными пособниками тех, кто стрелял, кто убивал”, - члены Комитета российской интеллигенции “Карабах” (КРИК) Ю. Черниченко, А. Нуйкин, В. Оскоцкий. Считаю ниже своего достоинства выяснять, чье знание карабахских деланий В. Поляничко достовернее - наше или “лидера оппозиции” С. Бабурина, беллетриста М. Алексева, эстрадной певицы Л. Зыкиной, хотя допускаю, что и они кое о чем слышаны. Другое занимает. Если о покойном, как говорится, или ничего, или правду, то “ничего” подписантов, организованных редакцией газеты, явно не устраивает. Что же, приходится повторять для них правду.

По аналогии вспомнилось: как раз этим временем датирован уникальный документ - директива председателя азербайджанского ревкома Асада Караева, выдержавшая в духе пролетарского интернационализма по-большевистски: “Оставьте человеколюбие - этим нельзя создать государство, завоевывать страны... Убейте одного русского воина и обвините в этом армян. Занете, что сделают русские?!”. Вполне сопоставимо с провокационными ленинскими подстрекательствами к карательным рейдам в Эстонию и Латвию, дабы примерно наказать, проучить их...

НЕ УБИЙ!..

Эта книга вышла полтора-два месяца назад в ереванском издательстве «Знание». А получил я ее от автора с дарственной надписью, датированной 22 августа. Он поздравляет с «гибелью хунты» и напоминает, что именно ее предводители-пиночеты («эти гады») - Путо, Крючков, Язов - «были главными преступниками карабахского геноцида».

Книга не о Карабахе. Вернее, не только о нем. Предмет авторского «разговора о наболевшем» - так названа книга в подзаголовке - современные межнациональные отношения в стране и мире. Но в Карабахе сходятся проблемно-тематические мотивы едва ли не каждой статьи, включенной в книгу, он становится эпицентром, к которому устремлена аналитическая мысль автора, задает энергию и ритм ее напряженной пульсации. Не удивительно: в ряду многих и разных мест, окрасившихся на политической карте СССР в красный цвет человеческой крови, Нагорному Карабаху принадлежит особая роль испытательного полигона, где четыре года подряд опробовалось модель свержения демократических институтов законноизбранной власти, отработались методы военно-милицейского правления и подавления народного сопротивления силой оружия. Ничем не лучше атомного реактора, неизменно находящегося во взрывоопасном состоянии.

«Прежде всего - не убивайте!» - взывает автор, известный армянский критик и литературовед, доктор филологических наук, профессор Ереванского университета Левон Мкртчян, вынося заголовок одной из статей на обложку книги - сборника избранной публицистики 1989-1991 годов. Всего три года, но какие годы! Сумгаит и Баку, Абхазия и Фергана, Новый Узень и Душанбе, Киргизия и Южная Осетия - их трагические вехи. «Охваченные волной озверения, люди идут на чудовищные преступления» - зловецкие выбросы национальной ненависти в цепной реакции насилия.

Нагорный Карабах - ее первое звено, от него берет начало вся цепь. «Карабахские армяне не хотят, чтобы их уничтожали, насильственно ассимилировали, они хотят жить на своей земле как армяне, хотят подлинной автономии, подлинного народовластия. В результате - Сумгаит. И уже другие армяне, которые не ставили никаких вопросов о Нагорном Карабахе, не могут (потому и не могут, что они армяне) жить в Азербайджане, а азербайджанцы, которые жили в Армении, уже не могут (потому и не могут, что азербайджанцы) жить в Армении... Сотни тысяч беженцев. Но одна из противоборствующих

сторон говорят и причитают лишь о своих беженцах, а другая - о своих. И все взывают к справедливости и человечности. У нас нет даже единого Бога, который бы оплакал всех несчастных». Но разве имеет значение национальность детей, оставшихся сиротами? И так ли существенно знать, кто по национальности взрослые люди, убивавшие друг друга? «Мы не можем делить человечество на людей (и тем более народы) виновных и невиновных. Надо бы исходить из того, что все мы люди (нация людей), и все мы ответственны перед миром и перед детьми мира, которым жить в XXI столетии». Иными словами, Левон Мкртчян признает несомненным приоритет общечеловеческих ценностей не только над классовыми, низводящими человека до обезличенных «колесиков» или «винтиков» социальной системы, но и над национальными, если, проникнутые нетерпимостью, они ущемляют также права человека, отчужденного всевластным государством, отравляют его сознание ядом шовинистических идей.

П.Я. Чаадаев называл любовь к Отечеству прекраснейшим из чувств.. Но добавлял, что «есть еще нечто более прекрасное - любовь к истине». Патриотизм, «одевающий землю в траур, не может быть истинным». Он «никому не нужен». В том числе - ни армянам, ни азербайджанцам. «Ведь речь идет не о том, что армяне хотят перекроить карту Азербайджана. Армяне Карабаха не хотят быть манкуртами - вот о чем речь. А между тем многие годы им готовили участь манкуртов. Вот что надо понять. Возникают вопросы, над которыми человек не может не задумываться. Подчинение Карабаха и Нахичевани азербайджанскому руководству привело к тому, что в Нахичевани теперь уже нет армян, а в Карабахе армянское население уменьшилось, хотя все еще составляет подавляющее большинство». Гейдар Алиев может сколько угодно внушать левоверным, будто в его первосекретарскую бытность обстановка в Нагорном Карабахе оставалась «нормальной и стабильной», - все зависит от того, что почитать за норму. Как раз под многолетним алиевским руководством азербайджанские власти, «именно власти, а не народ Азербайджана, вели курс на национальную, политическую и экономическую изоляцию Карабаха»...

Я цитирую столь обильно и подробно не просто потому, что согласен с Левоном Мкртчяном. Хочется заразить своим согласием и читателей, обострить их интерес к книге ученого-публициста, которая сильна фактической оснащенностью и безупречной логикой в анализе фактов. Тем нестерпимей для автора провокационная по своей сути дезинформация, в которой всего в достатке - и лжи, и лицемерия, и лицеизма.

Достаточно припомнить: войска, вошедшие в Баку после того, как погромщики свершили черное дело противармянского геноцида куда в больших, нежели сумгаитский, масштабах, начали издавать газету «Братство». О каком, спрашивается, братстве, «могла идти речь, когда

лилась кровь, когда десятки тысяч бакинцев - армян и русских - стали беженцами?». И если уж в самом деле «братство», то почему не нашлось на полосах газеты, как, впрочем, и во всей республиканской печати, места для рассказа о непоказном мужестве людей - их было немного, но они были, - которые, рискуя собственным благополучием, если не жизнью, укрывали в своих домах преследуемых соседей, не выдавали их убийцам. Об этом поведала миру не азербайджанская, а армянская печать. И тем самым взяла на себя защиту чести и достоинства азербайджанского народа, с которым «погромщики и убийцы не должны и не могут отождествлять себя». Как бы ни рассчитывали при этом, что «патриотически настроенные азербайджанцы защитят их, чтобы защитить народ». Увы, такие надежды погромщиков зачастую оправдываются.

Но на каком примитивном, заушательском, низкопробном уровне! Дважды, к примеру, прочел о себе в азербайджанской прессе, будто всего-навсего подкуплен «армянскими боевиками», которые, «видать, хорошо заплатили» и писателям из «Апреля», и народным депутатам СССР и РСФСР, Моссовета и Ленсовета - каждому, кто рвался в Нагорный Карабах, дабы увидеть его собственными глазами, лично прикоснуться к его трагедии. И то благо, что не в одиночку «продался», а скопом со всеми, осмелившимися иметь собственное суждение, не подсказанное Муталибовым-Поляничко. Аналогичное обвинение в подкупе не однажды предъявлялось и центральной демократической печати в целом...

Все наши беды, настаивает Левон Мкртчян, произрастают от одного корня - административно-командной системы тоталитаризма, в жестоких условиях которого жил каждый из народов СССР, включая русский. Сказано в полемический противовес тем, кто, отстаивая свое избрничество, полагает, будто его «национальному благополучию» в одном случае «мешают евреи, в другом - армяне, в третьем - русские». Что же до русских, то и среди нас нашлась «определенная часть борцов за русскую идею», которые обвиняют «в русских общенациональных бедах» другие, нерусские, по И. Шафаревичу, «малые», народы. К благу России, ее добру имени ни А.Д. Сахаров, ни Д.С. Лихачев на этот постыдный путь никогда не вступали. Как не вступают и не вступят на него другие «великие русские люди», противостоящие косной, не агрессивной инерции имперского сознания, великодержавной идеологии, противопоставляющие им неистребимые идеи взаимодоверия, взаимопонимания, взаимосогласия народов.

В таком демократическом, гуманистическом ключе рассматривает Левон Мкртчян и особо волнующие его проблемы национального языка, национальной культуры, национальной школы. Увлеченно и убежденно ратуя за освоение и расширение духовного пространства народов, всех вместе и каждого из них в отдельности, он не приемлет каких бы то ни было искусственных, разделительных барьеров, дробящих общее поле

мировой культуры на малые национальные наделы. И равно отвергает, скажем, как показное, лозунговое двуязычие, скрывавшее «далеко идущие цели русификации нерусской молодежи республик», так и языковую самоизоляцию, способную «привести ко многим национальным бедам».

Отсюда - многоадресная полемика с «крайностями», будь они «космополитического» или «националистического» свойства, нигилистического или сепаратистского толка. Как ни велики, например, заслуги «нового руководства» Республики в достижении национальной независимости Армении, она, независимость, «слишком серьезное дело, чтобы можно было ее достичь дурным синхронным переводом русской речи того или иного депутата армянского парламента, запрещением русских передач по республиканскому телевидению, свертыванием издательского дела на русском языке». Или открытием армянских школ, в который не изучались бы никакие языки, кроме родного. Общественность боролась не за это. Она «очень хотела, чтобы русский, как и любой другой язык, не изучали в Армении за счет родного, армянского». Ибо сталкивать «великий армянский язык и великим русским языком», противопоставлять их друг другу или ущемлять один за счет другого - значит сужать духовное пространство не только «чужой», но и «своей» национальной культуры. «Нет в мире враждебных языков, враждебных культур. Вся мировая цивилизация едина».

Нелицеприятная критика единокровных соотечественников за рецидивы национальной ограниченности делает автора нравственно неуязвимыми и в том принципиальном споре, какой он ведет с антиармянскими позициями азербайджанских ли соседей, русского ли центра. Таково его открытое письмо «Побойтесь Бога, генерал!», адресованное генерал-полковнику Ю.Шаталину и вызванное его угрозой «сровнять Армению с землей», а также устрашающим призывом не забывать, что «ключи от атомной станции» у него в кармане. «А что у вас в душе, генерал?» - допытывается автор у адресата, подозревая пустошь, выжженную великодержавным шовинизмом и одинаково нестерпимую в обратном случае, если б бравадный генерал пригрозил сровнять с землей не Армению, а Азербайджан. Таковы и обращения к деятелям азербайджанской культуры, в частности к писателям Наби Хазри и Максуду Ибрагимбекову.

Знаю обоих лично, высоко ставлю поэзию одного и прозу другого. И тем сильнее недоумение: мыслимо ли для поэта - называть «грязными» руки карабахских армян, воинственно лишать их права на землю, которую они возделывали всками, орошали трудовым потом десятков поколений? Позволительно ли признанному прозаику делить только свою боль и не отзываться на чужую?

Много лет назад, в начальную пору так называемого застоя мне довелось отгадывать творчество Максуда Ибрагимбекова от грубых разносов отнюдь не «армянскими националистами», а азербайджанскими

догматиками-ортодоксами. Диву даюсь: что же побудило его теперь стать в «карабахском вопросе» на их ложнопатриотические позиции и не только не осудить сумгаитский погром, как пристало бы писателю-гуманисту, а напротив - возложить ответственность за пролитую кровь не на насильников, а на жертвы насилия? Неужто не совестно, не стыдно оказаться в одной упряжке с академиком-фальсификатором Э. Буниатовым, уже в наше «перестроечное» время стяжавшим себе геростратову славу разнузданной травлей А.Д. Сахарова, которого с печатной трибуны азербайджанской Академии наук во всеуслышание назвал лжеученым, получающим пенсию «за безделье и болтовню» и в возмещение этой никчемности поставляющим «за кордон записи своих гнусностей и пошлятины»? В статье «Почему Сумгаит?», появившейся вслед за антисахаровской, он списал трагедию геноцида на провокационные прояски новых дашнаков, которым «захотелось картину художника Верещагина «Апофеоз войны» переделать в современную фотографию с «армянскими черепами». Господи, да разве впрямь «все дозволено»? И не прав Александр Солженицын, заявивший в Нобелевской речи, будто «одно слово правды весь мир перетянет»?

Абсурдистскую логику завравшегося академика Левон Мкртчян называет недостойной цивилизованного общества. И только-то? Современному варварству до цивилизации, что гуннам до древнего Рима: в самоослепленной невежеством сне перекраивает мировую историю на пещерный человеконенавистнический лад. И если уж академик лжет, не краснея и ложью своей выгораживает пынешних убийц и насильников, то почему бы его ученикам и последователям не оправдать задним числом преступления прошлые? Так, собственно, и поступает некая М.Н. Ростовская, жительница подмосковного Подольска, именующая себя членом экспертной группы по Азербайджану от Комитета социальной защиты международного общества прав человека. Потребовав за полторы недели до августовского путча «повторно возбудить уголовное дело против ... публициста Андрея Нуйкина», она сопроводила свое заявление в прокуратуру СССР (обнародованное в бакинской газете «Вышка» 8 августа с.г.) культуртрегерским пассажем, просвещающим советскую Фемиду насчет противормянского геноцида 916 года: оказывается, его попросту ... не было. «Скорее уместно было бы говорить о геноциде над турками со стороны провокационных боевых армянских групп в ходе первой мировой войны, да и число жертв у турок больше. Уже сегодня историки Запада утверждают, что пора развеивать миф об армянском геноциде, ибо это - питательная почва для армянского терроризма». Право, жаль, что нет закона, обороняющего историческую науку от невежд-дилетантов. И, того хуже, - от невежд-провокаторов...

«Куда несет нас рок событий?» - цитируя вопрошает Левон Мкртчян в статье, завершающей книгу. И отвечает новой большой работой «Сентябрьский референдум - да или нет?», опубликованной в

НЕ РАЗРУБАТЬ УЗЛЫ, А РАЗВЯЗЫВАТЬ

нескольких номерах газеты «Голос Армении». Резко отвергая альтернативную - или-или - постановку вопроса: чего хотят армяне - русской ориентации или свободы, автор подчеркивает, что он лично предпочитает то и другое вместе, одновременно. «Несмотря ни на что, несмотря даже на чудовищные акции Советской Армии в НКАО и прилегающих к ней армянских селах (позор Афганистана, очевидно, еще не стал уроком для иных наших руководителей), я верю, что традиционно добрые, братские (надо бы вернуть этим хорошим словам их благородный смысл) чувства между армянами и русскими будут определять наши отношения в будущем - и в конце тяжелого XX века, и в XXI столетии».

Результаты референдума, прошедшего 21 сентября, оказались не такими, какими их хотел увидеть, на какие нацеливал своей «предреферендумной» статьей ученый-публицист. Но это и в малой мере не подрывает его надежду и веру, коль скоро их питают жизнестойкие традиции гуманизма, на которых стоит вся мировая культура, многонациональная и разноязычная. Вершинные проявления этих традиций - уроки Толстого, чье сострадание и веру православную («Хаджи-Мурат»), не застило свет разума и добра, которыми обострено сопереживание трагедиям чеченских деревень, обреченных на разор и опустошение русской армией.

В том же ряду гуманистических уроков - вечные слова закавказского шейх-уль-ислама Ахунзаде, заклинявшего единоверцев в кровопролитном и братоубийственном 1905 году: «Мусульмане, у меня кровь леденеет в жилах, когда я вспоминаю о том, какое наказание ждет вас на страшном Суде Божьем за невинно пролитую кровь ваших же братьев армян! Неужели вы забыли Священный Коран, запрещающий под страхом грозного наказания проливать чью бы то ни было кровь? Да, вероломные и подлые науськивания людей заставили вас поднять руку на ни в чем не повинных братьев армян. Вы забыли вековые братские отношения, религию, забыли великого вашего пророка, и, как дикие звери, устремились на мирных братьев... Опомнитесь, несчастные! Вы правой рукой рубили левую, а левой правую». Без малого 90 лет прошло, а звучит, будто изречено сегодня. И то сказать: история повторяется. Но не всегда по Марксу - как фарс...

Когда эти заметки будут опубликованы, в Нагорном Карабахе уже начнут нести службу наблюдатели из России и Казахстана, что предусмотрено железнодорожником коммунистическим, принятом в результате миротворческой миссии Ельцина Назарбаева. Но в последние дни сентября, когда заметки писались, кровь в НКАО лилась по-прежнему! 15 человек убито, более 20 ранено. Новые жертвы в придачу к сотням и сотням жертв, понесенным за долгие четыре года. Неужто все еще мало?

Не убий! Раньше и прежде всего - не убий! Остальное - приложится...

История, похоже, грозит повториться. Причем, опять как трагедия. Трагедия войны, рухнувшей на Россию, будто снежная лавина с кавказских гор.

Андрей Козырев утешает нас ссылками на авторитет западных политиков, которые-де, полагают, будто чеченский узел - внутреннее дело России. Ой ли? Во-первых, США и Западная Европа - это еще не весь современный мир, и в восточной его части о солидарности с Чечней уже заявлено. Во-вторых, не кто иной, как Запад, всего семь лет назад точно так же считал, что Нагорный Карабах - сугубо внутреннее дело бывшего СССР. Сегодня, после Сумгаита и Баку, после того, как в поле притяжения карабахского кризиса втянулись Иран, Турция, США, на Западе так не думают: Зыбкое перемирие, которое в любой момент может оказаться шариком или, того хуже, мыльным пузырем, не сделало Нагорный Карабах менее горячей точкой планеты.

Уместно припомнить: нынешние беды Нагорного Карабаха начались с того, что он всерьез воспринял горбачевскую «перестройку», поверил в нее, отнесся к ней как не к конъюнктурной программе, рассчитанной на коренные демократические преобразования во всех сферах жизни, включая и первоочередной национальный вопрос. Чечня, сдастся, первой и тоже всерьез поверила в призыв Б.Н. Ельцина брать столько суверенитетов, сколько возможно вынести. А поверив, избрала генерала Джохара Дудаева своим президентом, который не пришелся к нашему российскому двору. Но что с того, если нам, в России, он не совсем нравился или даже совсем не нравился? Не мы его ставили, не нам его и свергать в угоду так называемой «чеченской оппозиции».

Как остроумно заметил недавно президент Эстонии Леннарт Мери, его бы больше устроило соседство с Канадой. Но страна граничит с Россией, и с этим, хочешь-не хочешь, приходится считаться. Не так ли и Россия обязана считаться не с собственными имперскими амбициями, намеренно, если не провокационно распалеными, а с реальной ситуацией, заданной исторически. Ни одна попытка насильственно изменить ход истории к добру не приводила и не приносила ничего, кроме позора. Мало нам кровавой ночи в Тбилиси? В Вильнюсе?..

Семь лет назад российские демократы подсказывали М.С. Горбачеву конституционно правомерный путь выхода из нарастающего карабахского кризиса. В развитии его был очень недолгий период, когда надвигающуюся войну могло предотвратить союзное правление на территории бывшей НКАО. Но, заигрывая с Азербайджаном и его тогдашним партийным руководством, М.С. Горбачев пренебрежительно отмахнулся от разумного совета. А потом, когда, верный себе, не без

колебаний начал к нему склоняться, хватаясь, как утопающий за соломинку, - «поезд ушел». Неконтролируемые события стали развиваться не по кремлевскому, а по собственному сценарию. Сумгаит сыграл в нем роковую роль одновременно и финала, и пролога. Он был финалом, к которому неотвратимо вела азербайджанская политика геноцида, поощряемая во все десятилетия советской истории. И явился прологом освободительной войны карабахских армян, чьи мужество, упорство и стойкость выразили высокий взлет раскрепощенного, вырвавшегося из имперских пут национального самосознания.

Похожую глухоту к разумным советам проявил Б.Н. Ельцин, оставив без внимания призывы демократической общественности не разрубать сплеча чеченский узел, а терпеливо развязывать, полагаясь на трудный, длительный, но необходимый поиск исключительно политических решений. Неужто его облежит ввод российский войск Министерства обороны и Министерства внутренних дел на территорию Чечни? Наивно рассчитывать на это.

Урок Нагорного Карабаха: российская - поначалу еще советская армия, накрепко повязанная карабахским узлом, не помогла решению ни одной проблемы. Не отвела войну. Не воспрепятствовала Азербайджану в эскалации наступательных действий. Не защитили Степанакерт от варварских артобстрелов, прицельных, с расчетом на уничтожение города. Но спасла мирные армянские села от разбойных бесчинств азербайджанского ОМОНа. Не говоря уже о том, что чудовищная операция «Кольцо», разработанная ее генералитетом, носила откровенно антикарабахский характер. Всего, чего добилась, что отстояла Нагорно-Карабахская Республика, вплоть до условий, благоприятствующих теперешнему пусть хрупкому, ненадежному, но перемирию, она добилась и отстояла собственными усилиями, кровью и потом народа, тяжелой ценой непомерных, невосполнимых жертв, сверхнапряжения, как физического, так и духовного. Это ли не весомый аргумент против самонадеянной убежденности российской партии войны, будто ударной силой танковых колонн чеченские проблемы будут решены именно в том ключе, в каком хочется России? Выходит, даже Афганистан ничему не научил наших «ястребов», не отложился в их сознании никакими уроками? И не образумили их кровопролития на таджикско-афганской границе? «Цинковые мальчики» - роковой удел России на исходе XX века. Ее боль и стыд. Они-то за что обречены были платить и продолжают расплачиваться своими молодыми жизнями - лучшим достоянием и высшим капиталом нации?..

Совсем не исключено, что воодушевленный примером российских «ястребов» Азербайджан вознамерится возобновить военные действия против Карабаха, утверждая принцип территориальной целостности.

Предвижу возможное возражение: Нагорный Карабах и Чечня - проблемы, в принципе разные. Тем более разные, что за каждой из них ни в чем не совпадающие как исторические, так и современные судьбы народов. Однако типология уроков истории оттого и типология, что, абстрагируясь от различий, оперируют обобщениями. И находит их в отречении от политики, предпочитающей военную агрессию мирным инициативам, силовое давление одной стороны многостороннему взаимосогласию. Навязав силу оружия, можно достичь сиюминутной выгоды. Долговременный успех приносят совместно выработанные договорные соглашения.

Непозволительно забывать, что начало кавказской войне, длившейся в прошлом веке без малого пять десятилетий и выдвинувшей Шамиля имамом, верховным военачальником, идеологом мюридизма, положили в 1817-1821 гг. горные походы генерала Ермолова, действительно усмирившие непокорных горцев. Но каким недолгим и как дорого оплаченным оказалось это усмирение! Такого ли поворота событий хотела бы Россия сегодняшняя и для себя самой, и для отрезавших за Кавказским хребтом единоверных армян? В ее ли геополитических, как модно говорить нынче, интересах взрывоопасная граница с мусульманским миром, которая, стоит лишь разгореться кавказскому пожару, пройдет - взгляните на карту - по Ставропольскому краю?..

Запомним дату: 10 декабря 1994 года. В этот день, когда российские войска во исполнение президентского указа о разоружении незаконных вооруженных формирований вошли в Чечню, Б.Н. Ельцин утратил счастливое преимущество, каким прежде охотно пользовался, - называть Россию той республикой бывшего СССР, на территории которой не ведется никаких военных действий. Отныне они ведутся. Целаром многожды срывавшиеся или, точнее, срываемые попытки найти политическое решение «чеченского вопроса», взаимоприемлемое для Москвы и Грозного, получили в официальных сообщениях до абсурда неленое, уродливое наименование не мирных переговоров, а «военно-переговорного процесса». Что касается первой части этой лишенной здравого смысла формулы, то процесс, как говаривал М.С. Горбачев, в самом деле «пошел», и в мельтешащем калейдоскопе его хроникальных кадров нет внятного ответа: на кого обрушена боевая мощь российских дивизий? Если на неотторжимую часть российской территории, значит, эта война России против самой себя. Если на суверенное государство, провозгласившее независимость, то по какому праву? Государственный статус Чечни - краеугольный камень, кладку которого стоило бы начинать не со штабных реляций генералов, а с «круглого стола» политиков...

Пожалуй, нигде больше в цивилизованном мире ложь, пойманная за руку, не ходит на таких длинных ногах, как у нас, в России. И не

наглет так быстро от безнаказанности. Стоило в свое время президенту США Никсону сказать неправду - вслед собственному заявлению, что он не лжец, - как это под угрозой неминуемого импичмента обрекло его на добровольную отставку: зло, куда меньшее, чем публичное разоблачение. Нашему бы министру хоть толику такого уважительного трепета перед общественным мнением!..

Так уж повелось в русской истории: честь и достоинство мыслящей России нередко проверялись ее участливостью к другим народам. В прошлом веке духовную высоту испытательной планки определяли, например, польские восстания 1830, 1848 и особенно 1863 года. На отношении к ним размежевывались люди не обязательно противоположных лагерей, но, случалось, одного стана, а сверх этого еще и друзья. Поэтому не в том лишь наука, что генерал-вешатель М.Н.Муравьев потопил Польшу в крови, а подпоручик Андрей Потебня погиб в рядах польских повстанцев. Еще более поучительно то, что Адам Мицкевич был вправе не прощать Пушкину "Клеветникам России", коли и нам спустя полтора с лишним века приходится испытывать чувство неловкости за "кичливого ляха" в одной строке с "верным руссом". Иное дело - Герцен. Потерял "Колокол", но не уронил себя, как ли ясно видел, что его польские симпатии разделяет ничтожное меньшинство русского общества.

Увы, историческая правота меньшинства зачастую постигается с течением даже не лет, а десятилетий. Но рано или поздно постигается непременно. Правда, в России, как правило, поздно и почти никогда рано. Тем не менее, и в разгул сталинщины постыдная война с "белофиннами" встречала отнюдь не поголовный патриотический и классовый энтузиазм. И находились те немногие, кто не задним числом, а по горячим следам событий считал преступлением сталинские депортации народов. Не всем достало самоотречения, чтобы в августе 1968 года выйти на Красную площадь с протестом против советской оккупации Чехословакии, но и единомышленники тех, кто вышел, тоже не составляли большинства. Русская "всемирная отзывчивость" - черта и впрямь характерная, но вовсе не массовая.

Не будем поэтому удивляться теперешним расхождениям "по Чечне" между Егором Гайдаром и Борисом Федоровым или Сергеем Ковалевым или Владимиром Шумейко. Им придти к единому мнению куда труднее, чем Н.Лысенко и С. Бабурину, Г. Зюганову и В. Жириновскому, А. Баркашову и Э. Лимонову, но встревожиться единодушной поддержкой всеми последними силового усмирения Чечни демократы обязаны при различиях своих личных позиций. Нешлохо бы задуматься о причинах этого феномена и ближайшему окружению президента, и самому Б.Н. Ельцину...

"Россия должна решить, что для нее важнее - азербайджанская нефть или армянская душа", - довелось услышать в одну из поездок в Нагорный Карабах. Для большинства российских демократов, думается, это вопрос решенный: в карабахском вопросе они предпочли нефти душу. И, будем надеяться, предпочтут применительно к Чечне, если выявится, что и этот тугой узел своеобразно затянут с дальним прицелом на нефтяные барыши.

"А душу можно рассказать?". Можно. После сталинского геноцида на Северном Кавказе она 40 лет томилась невысказанной, пока не появилась повесть Анатолия Приставкина "Ночевала тучка золотая...", которая, первой одолев цензурные запреты на тему, обожгла трагедией репрессированного народа. Если высшее руководство России не сумет нормализовать ситуацию, которую создало так опрометчиво, и не отведет тем самым новую трагедию, то повести или романа о ней вряд ли придется ждать долго. Появилась же честная, правдивая проза об афганской войне, увиденной глазами ее солдат, и, как бы ни корбила она орденосных генералов, запретить ее не в их власти...

В заключение - о кусте татарника, символизирующего для Льва Толстого обреченную участь Хаджи-Мурата. Перееханный колесом, он "уже после поднялся и потому стоял боком, но все-таки стоял" на краю пашни. "Точно вырвали у него кусок тела, вывернули внутренности, оторвали руку, вырвали глаз. Но он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братьев кругом его".

Да не повернет, не раскрутится колесо истории так, что изуродованный куст и впредь останется знаком не только давних, но и современных драм, которых нужно и можно было избежать. Скорбным знаком боли и укора. И горькой расплаты за неразумие...

НИ ПРОЩЕНИЯ, НИ ЗАБВЕНИЯ

*Армянское горе -
бездрижное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.
Но дна не достигнет она
в этом море
И берега вовек не найдет,
В армянских страданиях -
на черном просторе
Душа моя скорбно живет.*

Ованес ТУМАНЯН.

(Перевод Валерия Брюсова).

Цитирую в «Уроках Армении», повести-путешествии, написанной в конце 60-х гг., «Геноцид армян в Османской империи» по первому и тогда еще единственному изданию, Андрей Битов ужаснулся: «Я раскрыл эту книгу в четырех местах. И я больше не могу. Я кажусь себе убийцей, лишь переписывая эти слова, и почти озираюсь, чтобы никто не видел... Мне очень хочется, чтобы мне поверили, что я действительно не подбирал ничего, а лишь открыл в четырех местах как открылось. Я могу поклясться любой клятвой, что это не прием, что это действительно так. В этой книге осталось еще пятьсот страниц, мною не прочитанных».

И официальные документы, и показания очевидцев, будь то немногие уцелевшие жертвы трагедии или зарубежные наблюдатели, изнутри раскрывают механизм геноцида, оправданием которому, подчеркивала оппозиционная газета германских союзников Турции (союзников!) «Базлер Нахритен» (1.9.1915) не могут служить «ни военные, ни стратегические соображения... Массовое, хищническое уничтожение, начавшееся с уничтожения армянского народа, является следствием системы отуречивания и исламизации в османском государстве...».

Геноцид планировался и осуществлялся по трем стратегическим направлениям. Первое - устранение боеспособного мужского населения путем объявленной мобилизации в армию: призванных на службу вероломно арестовывали и после изуверских тюремных истязаний бессудно казнили. Второй удар по нации - поголовные аресты и уничтожение сосредоточенной в Константинополе армянской интеллигенции.

Среди арестованных - известные поэты Сиаманто (Атом Ярджанян), задолго до резни уподобивший отчий дом горсти пепла, и

Даниэл Варужан. Оба поэта зверски убиты в августе 1915 года. Тогда же погиб и Рубен Севак, всего двумя годами раньше написавший пророческое стихотворение «Армения»:

*«Кто это плачет под дверью
в мороз?» -
«Странник, сестра, отвори...»
«Уж не скелет ли там,
хриплый от слез?» -
«Голод, сестра, отвори...»
«В щелы топор мой двери
разнес?» -
«Это резня, отвори...»*

(Пер. И. Кубатьяна)

И, наконец, так называемая депортация всего мирного населения: изгнание из родных, обустроенных мест, насильственное переселение в «безопасную» (удаленную от театра военных действий!) Месопотамию, тяжкий путь ограбленных, бездомных людей через аравийские горы и пустыни. Гнали многотысячными толпами, - до цели доходили единицы обездоленных.

Свидетельство крестьянина Хачика Аветисяна, приведенное русской газетой «Кавказское слово»:

«Мы видели, как с несчастных сначала срывали все ценное, затем раздевали и иных тут же на месте убивали, а иных уводили в сторону от дороги, в глухие углы, и тут же прикалывали. Мы видели группу из трех женщин, которые в смертельном страхе обнялись. И их невозможно было уже разъединить, разлучить. Всех троих убили. Мы видели, как одну женщину, раздетую, привязали к дереву вверх ногами, а под нею поставили ее маленьких детей. Ни мать, ни малютки не могли дотянуться друг до друга. Крик и вопль стояли невообразимые...».

Такое творилось во всех местах постоянного проживания армян. И новые бедствия, зверства разъяренных грабителей и насильников ждали их на долгом пути в вечное изгнание.

Из книги Г.А. Грибоедова «Последние избиения в Армении» (Петроград, 1916):

«Больные старики и дети падали на краю дороги, чтобы больше уже не встать. Женщин, находящихся в муках родов, подгоняли вперед штыками или ударами кнута, пока не наступал момент разрешения от бремени, после чего их оставляли умирать на дороге без помощи, истекающих кровью! ...Кто мог - лишал себя жизни. Обезумевшие матери бросали своих детей в реку, чтобы прекратить их страдания. Сотни

тысяч женщин и детей умирали от голода, жажды, изнеможения и стыда...».

Из книги Рене Пинона «Уничтожение армян» (Париж, 1916): «Солдаты, турецкие жандармы. Курды нападают на жалкие обозы, как стая волков на свою добычу; они грабят все, что представляет хоть некоторую ценность. Стариков убивают, или они погибают от голода и утомления. Молодых женщин и девушек насильно увозят в турецкие гаремы или отдают солдатам на развлечение. Малолетних детей отрывают от матерей и отдают мусульманам... Все самые дикие, мерзкие человеческие страсти утоляются за счет жалкой, постепенно тающей и уничтожающейся толпы...».

Из книги Апри Барби «В стране ужаса» (Тифлис, 1919): «Одно сплошное кладбище, одну огромную могилу - вот что младотурки, поощряемые официальной Германией, сделали из Армении, утопающей в потоках крови».

Душераздирающие свидетельства, давние и нынешние, совпадают почти один к одному. Те же изуверские убийства, сожжения живо, измывательства над детьми и стариками, беременными, которым вспарывали животы, изнасилования девушек и женщин. Обошлось разве что без медицинских экспериментов, какие турецкие врачи ставили на армянах, как на подопытных животных.

За сумгантской резней, так и оставшейся безнаказанной, последовали армянские погромы в Гяндже и Баку, поголовные выселения («депортация») армян из Нахичевани и окрестных сел. И «проверка паспортного режима», операция «Кольцо» в Нагорном Карабахе.

Передо мной официальная справка «По уголовному делу № 622011/91, возбужденному в связи с событиями, имевшими место в отношении армянского населения, проживающего в Шаумяновском районе и селах Геташен и Мартунашен Ханларского района Азербайджанской ССР». Она датирована 17 мая 1991 года и подписана тогдашним старшим помощником Генерального прокурора Республики Армения, старшим советником юстиции А. К. Арутюняном. Привожу отдельные фрагменты.

«...С раннего утра 30 апреля 1991 г. подразделения Советской Армии, внутренних войск МВД СССР и отряды милиции особого назначения МВД АзССР согласно предварительно разработанному плану, в сопровождении бронемашин, танков, военных вертолетов совершили открытое нападение на мирное население сел Геташен и Мартунашен. Вслед за военнослужащими и омоновцами следовала толпа азербайджанцев с целью грабежа. Все это делалось под надуманным предлогом проверки соблюдения паспортного режима, выявления проникших в эти села армянских боевиков, обнаружения оружия и боеприпасов. (...)

Свидетельница Тевосян Рима показала, что омоновцы в присутствии русского полковника отрезали уши ее свекру Вагаршаку Тевосяну. Потерпевшая Р. Аюкян пояснила, что омоновцы, ворвавшись в их квартиру, раздели ее догола, похитили деньги в сумме 3200 рублей, а затем вывели ее в сад и фотографировали в голом виде...

По уточненным следствием данным, с начала проведения военных акций против жителей сел Геташен военнослужащим и омоновцами захвачены в качестве заложников 53 человека. 29 заложников в течение трех часов лежали лицом к земле, подвергались избиванию и ограблению. У них забраны деньги и золотые вещи, разорваны паспорта. Председатель исполкома Ханларского районного Совета Мамедов в присутствии не установленных следствием офицеров высшего состава путем угроз принуждал заложников подписать заранее составленные заявления о якобы добровольном выезде с постоянного места жительства. Мамедов при этом предупредил, что в противном случае они будут расстреляны. Затем военнослужащие и омоновцы топтали их ногами, избивали, заставляли есть сигареты, подвергали другим унижениям...

Свидетели отмечают крайнюю жестокость совершенных убийств. Так, Бабаджания Зарик и Агамир Израелян показали, что, убив топором Мельсика Согомоняна в его же доме, бандиты затем расчленили труп, чтобы парализовать сельчан страхом. После убийства 65-летнего Оганесяна Оганеса Макаровича и 57-летнего Мелкумяна Шамира Аршаковича военнослужащие с той же целью раздавили их трупы тусеницами танков...

Позже военнослужащие чинили препятствия совершенно похоронных ритуалов, вследствие чего большинство трупов было зарыто во дворах домов...

Одного этого документа - а таких десятки, сотни, тысячи! - вполне достаточно для того, чтобы уяснить истоки и причины национально-освободительной войны Нагорного Карабаха. Но нынешние политики из числа тех ослепленных, что в упор не признают Нагорно-Карабахской Республики, с оружием в руках доказавшей свою жизнестойкость и боеспособность, фанатично твердят об армянской агрессии против Азербайджана. Ничего себе «агрессор»! Общая численность населения НКР - 150 тысяч человек - втрое меньше наступавшей на него 450-тысячной армией, какую снарядил 7-миллионный Азербайджан, выставляющий себя «жертвой».

За год до описанных кровопролитий в армянских селах я впервые побывал в Нагорном Карабахе. В Баку проходила очередная сессия Верховного Совета Азербайджана. На ней присутствовал Гейдар Алиев, тогдашний депутат от Нахичевани. Выступления некоторых ораторов, виноватых его в том, что он в многолетнюю свою бытность первым

секретарем ЦК республиканской компартии создал условия для карабахского кризиса донельзя разгневали будущего президента. Вы что, возмутился он, забыли, как я понизил численность армянского населения Нагорного Карабаха на столько-то (кажется, десять) процентов? Что именно в мое время на столько же возросла там численность азербайджанцев? Это вы развалили все, чего я добился!!..

Вдумаемся: что реально стоит за этими «понизил-повысил»? Более чем откровенное признание в политике тогда еще скрытого, подпольного геноцида, которую азербайджанские коммунисты под руководством партийного вождя упорно проводили в Нагорном Карабахе.

Первое условие недопущения трагедий будущих - окончательный расчет с прошлым, которому не должно быть ни прощенья, ни забвения.

1995 год, апрель

ВОКРУГ И ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

Недавние события, произошедшие в Ереване и напрямую связанные с Нагорным Карабахом, обязывают меня откровенно высказать свое отношение. Если промолчу, то не буду понят ни армянами, ни карабахскими друзьями, с которыми много говорено, думано, пережито в последнее, начиная с сумгаитской резни, десятилетие.

Да, десять лет минуло с тех роковых дней, когда противоармянский геноцид, выйдя из подполья, нагло бесчинствовал в беззащитном городе, будучи уверенным, что вскоре и подтвердилось, в полной безнаказанности.

*Как будто с книжных сорвались страниц
Те призраки, погязише в грехах.*

Плоть обрели

Сейчас, в конце двадцатого столетья-

Нет, не в котлах с кипящей смолой-

Сжигают в пламени автопокрышек.

И на костре - не грешный кардинал

Усталый армянин, что шел с работы.

У матери несчастной на глазах

Дочь волокут насильники лихие...

И надругаться над женой спешат

У тела изувеченного мужа...

А после гонят с воплями нагуло

От чайханы к мечети

И назад-

Под свист и улюлюканье толпы...

Так воссоздавала кровопролитные кошмары Сумгаита, уподобленные въяве ожившему дантовскому аду, Сильва Капутикян (перевод Елены Николаевской), народный поэт Армении, ее неослабная боль, немолчаливая совесть.

Для распрямлявшего плечи Нагорного Карабаха сумгаитский погром означал зловещее предупреждение - смирить непокорных армян, поставить на колени, заставить склонить головы в немом послушании. Не вышло! Ответом несломленного народа на реальную угрозу поголовно истребительного геноцида явился подъем карабахского движения, на вспененном гребне которого пришел в большую политику доктор филологических наук, научный сотрудник «Матенадарана» - института-хранилища древнеармянских рукописей Левон Тер-Петросян, поплатившийся за свой «национализм» противозаконным арестом з

бессудным заключением в московскую тюрьму. Борьба русских демократов за его и его друзей-сподвижников освобождение - отдельный сюжет учредительного съезда «Мемориал»: благополучную развязку своим деятельным вмешательством в судьбу армянских вольнодумцев приблизили академик А.Д. Сахаров, Елена Боннэр, Юрий Афанасьев, другие авторитетные правозащитники...

И вот добровольная отставка Левона Тер-Петросяна, первого Президента Республики Армения. Российская национал-большевистская печать - «Правда пять», «Советская Россия» и др. - восприняла ее с нескрываемым торжеством и не маскируемым, хотя бы дипломатических приличий ради, мстительным злорадством. Надо ли разъяснять, что ни того, ни другого истинные друзья Армении не испытывают?

Но за пределами этой недостойной, неблагодарной реакции, отдающей неизжитыми великодержавными, имперскими амбициями, мое личное отношение к уходу Левона Тер-Петросяна с нынешнего политического олимпа, как принято говорить, не однозначно.

С одной стороны, я крепко убежден: не что иное, как благодарное чувство исторической памяти отличает личность с развитым гражданским самосознанием от беспамятного охلامона - стадного человека толпы. И какие бы ушаты, деликатно выражаясь, нареканий не выливали сейчас на отставного Президента его оппоненты, недруги, а то и просто враги, им не стереть того, что новейшая армянская история прочно связала с именем Левона Тер-Петросяна. Это и бесславный конец коммунистического тоталитаризма, и демократизация общества, конституционно закрепленная созданием новых республиканских институтов, и земельная реформа, проведенная решительно и последовательно. В том же ряду - принципиальная поддержка Нагорного Карабаха в его национально-освободительной войне, потребовавшей общенародного героического самоотвержения, подвижнической стойкости. И посильная при скудных материальных ресурсах страны, и без того истощенных спитакским землетрясением, - помощь жертвам войны, раненым и инвалидам, армянским беженцам, изгнанным погромщиками из Баку, Гянджи, Нахичевани, других городов и местностей...

Все эти добрые, гуманные дела - сужу о них не понаслышке, а на основании впечатлений, какие вынес при посещении ереванских госпиталей и интернатов, - вершились в невероятно тяжелых условиях многолетней блокады, которые Президент новой Армении стойчески переносил вместе с народом. В одну из холодных, темных полуголодных зим мне довелось быть его гостем. Свидетельствую: в президентском особняке было не теплее, чем в стылых домах ереванцев. (Не умолчу и о такой, казалось бы, сугубо личной, но по-человечески трогательной детали: едва ли не первая телеграмма сочувствия и поддержки, какую и

получил в октябре 1995 года, когда лежал в больнице после преступного, до сего дня не раскрытого избиения почти что на пороге собственной квартиры, была подписана Левонием Тер-Петросяном)...

Однако, перебирая сегодня нечастые, но дорогие мне встречи с ним, взаимодовверительные беседы об историческом прошлом России, Армении, Нагорного Карабаха, их нынешних социальных, политических, экономических перспективах, не утаю и того, что не все позиции Президента вызвали безоговорочное согласие, некоторые настраивали на полемику. Особенно в последние месяцы прошлого и в начале нынешнего года, когда, судя по информации в прессе, он под явным нажимом ОБСЕ, узурпировавшего международное общественное мнение, все чаще и больше склонялся к плану так называемого поэтапного урегулирования «карабахского вопроса», лишь в отдаленном будущем предусматривающем определение государственного статуса Нагорно-Карабахской Республки. Причем, скорее всего, на куцах правах автономии в составе Азербайджана, дозволенных воскрешаемым статусом НКАО 1988 года при демонстративном непризнании НКР ново послевоенной реальностью современного мира. В моем и не в одном моем понимании это не что иное, как поэтапный план односторонних уступок бакинским властям, от имени которых в дни последнего азербайджанского наступления в Нагорном Карабахе президент Алиев самолично поднимал боевой дух усталых, разуверившихся солдат своим появлением в окопах: трофейная телелента - факт, отмеченный и в российской прессе, - увековечила его целящимся из автомата. Не в возмещение ли былого неучастия в Отечественной войне, за которую, он, однако, награжден престижными советскими орденами?...

Не только в Нагорном Карабахе, но и в самой Армении готовность Левона Тер-Петросяна к уступкам сочли капитулянтством.

Не мне решать, оправдана ли такая резкость. Но, глядя в карту Нагорного Карабаха, с тревогой думаю о том, чем грозит обернуться для него первый этап, предполагавший возвращение Азербайджану «оккупированных» карабахской народно-освободительной армией территорий, которые, к слову напомнить, истари не были азербайджанскими. Лишь в 1921 году, когда в угоду призраку мировой революции на Востоке кремлевские правители произвели очередной раздел Армении, более трети исконно армянских земель, включая Арцах, было передано новообразованному Азербайджану. Примечательно, что односторонние территориальные обязательства, навязываемые Нагорному Карабаху, не сопровождаются никакими ответными со стороны Азербайджана гарантиями не превращать возвращенные ему районы в укрепленные бастионы, боевые плацдармы, исходные огневые рубежи будущих наступлений.

Чем чревато практически «миролюбие», какого требуют от НКР? Единственно тем, что при возобновлении военных действий, от которых ни высшее, включая президента, руководство Азербайджана, ни средние звенья власти не отрекаются и по сей день, понадобится менее часа для того, чтобы танки подехали к Степанакерту из Агдама, кстати, не заселенного «армянскими колонизаторами», как утверждает внемлющая бакинским властям пропаганда, а - сам видел, дважды проезжая город, - безлюдного со дня падения... А Шуша, древняя столица Арцаха? Она нависает над Степанакертом, столицей нынешней, и с ее высот, где стояли орудия, любой степанакертский дом как на ладони: пали прямой наводкой. И палили - каждодневно, методично, вынудив загнанных в подвалы горожан повторить на стенах домов объявления, предостерегавшие ленинградских блокадников: при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна... Или Лачин. Не зря, по аналогии с тем же блокадным Ленинградом, лачинский коридор называют дорогой жизни: иного пути из Нагорного Карабаха в Армению нет...

Расхожий мотив российских комментаторов отставки Левона Тер-Петросяна: «голуби» проиграли «ястребам», «партия войны» одолела «партию мира». Но разве потакание агрессии, а не сдерживание ее дало Нагорному Карабаху три мирных года после изнурительных семи лет войны? Уступчивость, а не твердость, обеспеченная непрочной, зыбкой, но пока что достигнутой защищенностью границ НКР? «Самопровозглашенной» республики язвят комментаторы, в том числе и с полос демократических газет. Но где и когда вы видели в мировой истории государство, которое бы само не провозгласило свою независимость, тем паче, если она не дарована просто так, а завоевана в национально-освободительной войне неоплатной ценой крови, лишений, жертв? Вот и гляньте в бездонно печальные глаза карабахских матерей - и тех, кто оплакал погибших взрослых сыновей, и тех, кто наперекор всему уберег малолеток - убедите их, что вопрос о государственном статусе родной земли целесообразно отложить на далекое потом, а пока не иначе как в интересах мира им предстоит заново пережить угрозу войны. У голубей, которые так рассуждают, прорастают ястребиные клювы...

Конечно, бывший Президент Армении не из их стаи. И не капитулянтством называл он свою позицию, а неизбежным поиском компромиссов. Разумных? Похоже, вынужденных. Вызванных не только кризисной экономической ситуацией в Армении, но и той безучастностью, отстраненностью, какие проявила в «карабахском вопросе» Россия, взявшая на себя в свое время - при посещении Степанакерта Б.Н. Ельциным - миротворческие обязательства. Взять взятка, но необходимой жесткости в их неукоснительном исполнении не проявила. Не просто с

сожалением - со жгучим чувством стыда размышлял об этом Борис Чичибабин в «Думе о Карабахе»:

*Апшеронская нефть оплатила безвинные смерти,
В президентских ушах не гремит сумгаитский погром...
Я солдатом служил в бедном городе Степанакерте
В приснопамятном сорок втором.
Изнемогший дремал под армянских шелковиц листвою,
С минометным стволом на армянские выси сбегав.
Я там жил наяву - как же мне согласиться с Москвою,
Что земля эта - Азербайджан!
Перед крестной землей преклонюсь головою и сердцем.
Как там други мои? Сколько лет как ни вести от них.
И не все ли равно, кто грешней - Горбачев или Ельцин?
Все мы предали наших родных.*

В продолжение горькой мысли поэта вспомнились слова, услышанные однажды в степанакертском университете на одной из творческих встреч:

-Россия должна наконец решить, что для нее важнее и нужнее - нефть или душа?

«Нефть или душа?» - озаглавил я тогда свой очередной репортаж о поездке.

С той поры прошло более трех лет. И ничего не случилось за это время такого, что побудило бы пренебречь душой и предпочесть ей нефть, отнюдь не избыточные запасы которой к тому же саморекламно, с пропагандистским размахом намного завышены. Что же до души, то она вовсе не нечто эфемерное и для новой России имеет значение не абстрактно нравственное, отвлеченно морализаторское, а стратегическое, можно сказать - геополитическое. Недалековидно, безрассудно было бы не считаться с этим...

«С Россией надо дружить», - так, в частности, наставляя будущих преемников Левона Тер-Петросяна, прокомментировал его уход Б.Н. Ельцин. Но дружба, если это не застольно зацелованная «ленинская дружба народов», - понятие и деяние обоюдные, обязывающие к взаимной ответственности. У нас же она по неизжитому советскому ритуалу по-прежнему часто довольствуется пылкими объятиями и звонкими лобзаниями под хрустальный перезвон бокалов. И в гуле застолий не всегда различимо, внятно то, что посягает на дружбу, оборачивается в ущерб ей. То же предпочтение нефти душе, например, не случайно вызвало пока что минутное, но явное раздражение даже пробакински ориентированной «Правды пять». «Гроза пальчиком большому соседу, маленький Азербайджан рискует причинить вред своим собственным

выслушан. А как же иначе, если мы всерьез признаем, что народ - вершитель собственной судьбы, творец своей национальной истории?..

P.S.S. Находясь в Степанакерте, узнал: по бакинскому радио прошла передача, в которой пребывание российских гостей на юбилейных торжествах в Нагорном Карабахе раздраженно названо... неконституционным. Хотел бы понять, чью конституцию я умудрился нарушить. Российскую? Но она, слава Богу, не ограничивает моей свободы в дружбе и не возбраняет дружить с теми, с кем сам считаю нужным. Армянскую или Нагорно-Карабахскую? Тоже не нарушал, поскольку прилетел в Ереван, а из Еревана в Степанакерт по официальному приглашению правительства НКР. Азербайджанскую, точнее бы сказать - алиевскую? Но, будучи гражданином России, соблюдать ее я никогда не обязывался...

СОДЕРЖАНИЕ

3. Балаян-Вместо предисловия	3
------------------------------------	---

Карабахский дневник

I. Чего мы не знаем о Нагорном Карабахе	6
II. 1991 год, декабрь	26
III. 1993 год, июль	41
IV. 1994 год, январь-март	54

Статьи

Не убий!	71
Не рубить узлы, а развязывать	77
Ни прощения, ни забвения	82
Вокруг и после отставки	87

ВАЛЕНТИН ОСКОЦКИЙ
КАРАБАХСКИЙ ДНЕВНИК

ՎԱԼԵՆՏԻՆ ՕՍԿՈՅԿԻ
ՂԱՐԱԲԱՂՅԱՆ ՕՐԱԳԻՐ

Редактор	А. БЕГЛАРЯН
Худ. редактор	В. ОВЯН
Тех. редактор	Г. АКОПЯН
Корректор	Ә. АРУШАНЯН

6.0 усл. п.л. Тираж 300 экз. Заказ N 787

Издательский центр Степанакертского
полиграфпредприятия

*Отпечатано в Степанакертском полиграфпредприятии
374430 Степанакерт, ул. В. Мамикошяна, 21.*